

Объявлено убийство

Автор:

Агата Кристи

Объявлено убийство

Агата Кристи

Мисс Марпл #5

Что делать жителям городка Литтл-Пэддокс, когда в утренних газетах они обнаруживают объявление следующего содержания: «Объявлено убийство, которое произойдет в пятницу, двадцать девятого октября, в восемнадцать часов тридцать минут в Литтл-Пэддоксе. Только сегодня! Друзья, спешите принять участие!» Только мисс Марпл с помощью своих невероятных логических способностей сможет распутать клубок событий.

Агата Кристи

Объявлено убийство

Глава 1

Необычное объявление

По утрам (за исключением воскресенья), с половины восьмого до половины девятого, Джонни Батт, пронзительно свистя, разъезжал по поселку Чиппинг-Клеорн; перед каждым домом или коттеджем он останавливался, слезал с велосипеда и клал в почтовый ящик газеты, которые хозяева выписывали у киоскера с Хай-стрит. Полковнику Истербруку с женой он привозил «Таймс» и

«Дейли грэфик», мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд – «Дейли телеграф» и «Ньюс кроникл», а мисс Блэклок – «Телеграф», «Таймс» и «Дейли мейл».

Ну, а по пятницам он доставлял в вышеупомянутые и прочие дома Чиппинг-Клеорна еще и «Норс-Бенхэм ньюс энд Чиппинг-Клеорн гзет», которую местные жители называли попросту «Газетой».

И каждую пятницу, бегло проглядев заголовки в других изданиях («НАПРЯЖЕННОСТЬ В МИРЕ НАРАСТАЕТ!», «СЕГОДНЯ СОСТОЯЛАСЬ АССАМБЛЕЯ ООН», «ПОЛИЦИЯ НАПАЛА НА СЛЕД УБИЙЦЫ БЕЛОКУРОЙ МАШИНИСТКИ!», «ЗАБАСТОВКА НА ТРЕХ ШАХТАХ», «ДВАДЦАТЬ ТРИ ЧЕЛОВЕКА СТАЛИ ЖЕРТВАМИ ПИЩЕВОГО ОТРАВЛЕНИЯ В ОТЕЛЕ „СИСАИД“ и проч.), большинство жителей Чиппинг-Клеорна нетерпеливо разворачивали „Газету“ и с головой уходили в изучение местных новостей. Быстренько пробежав глазами раздел писем, в которых пышным цветом расцветали жгучая ненависть и вражда, девять подписчиков из десяти принимались изучать частные объявления. Здесь вперемешку печатались объявления о сдаче домов в аренду, о найме домработниц, о собаках, домашней птице и садовом инвентаре – короче, все то, что могло заинтересовать членов маленькой общины Чиппинг-Клеорна. Пятница, 29 октября, не была исключением из правил...

Смахнув со лба прелестные пепельные кудряшки, миссис Светтенхэм развернула «Таймс», окинула томным взглядом левую страницу, где освещались последние события, и, как обычно, решила, что, даже если в мире случилось нечто из ряда вон выходящее, «Таймс» все равно сумеет это затушевать и замазать. Сделав сей глубокий вывод, она проглядела хронику рождений, свадеб и смертей (особенно ее интересовали последние!), после чего с чувством исполненного долга отложила «Таймс» в сторону и жадно потянулась к «Чиппинг-Клеорн гзет». Когда чуть погодя ее сын Эдмунд вошел в комнату, миссис Светтенхэм уже была погружена в изучение местных новостей.

– Доброе утро, дорогой, – сказала миссис Светтенхэм. – Знаешь, Смедли продают свой «Даймлер». Он тридцать пятого года – совсем старый, да?

Сын в ответ что-то буркнул, налил себе кофе, взял парочку копченых рыбешек, уселся за стол и развернул «Дейли уоркер», прислонив газету к подносу с гренками.

– «Щенки бульдога», – прочитала вслух миссис Светтенхэм. – Право, не понимаю, как можно в наше время прокормить такую большую собаку!.. Та-ак, Селина Лоренс опять дала объявление насчет повара... По-моему, это пустая трата времени. Надо же, она даже адреса не указала, только индекс!.. М-да... роковая ошибка, скажу я вам... прислуге теперь – вынь да положь – нужен точный адрес, все хотят устроиться в приличное место... «Искусственные зубы...» Не понимаю, почему нынче на них такой спрос? Это же так дорого! «Прекрасный лук. Наш особый сорт». Якобы по сходной цене... «Девушка ищет интересную работу, не прочь попутешествовать». Тоже мне, оригиналка выискалась! Все не прочь попутешествовать! «Таксы»... Лично мне таксы никогда не нравились. Не потому, что порода немецкая, в конце концов, теперь это не суть важно, а просто не нравились – и все тут!.. Да-да, миссис Финч?

Дверь приоткрылась, и на пороге показалась мрачная особа могучего телосложения в потертом бархатном берете.

– Доброе утро, мэм, – рявкнула особа. – Можно убираться?

– Нет-нет, подождите. Мы еще не позавтракали, – заволновалась миссис Светтенхэм. – Вернее, позавтракали, но не совсем, – добавила она заискивающе.

Метнув грозный взгляд на сидевшего с газетой Эдмунда, миссис Финч презрительно фыркнула и удалилась.

– Я же только сел, – начал было Эдмунд, но мать не дала ему договорить:

– И, пожалуйста, не читай эту жуткую газету, Эдмунд! Миссис Финч ее терпеть не может.

– Не понимаю, какое дело миссис Финч до моих политических убеждений...

Но миссис Светтенхэм не слушала его.

– Тем более что эта газета для рабочих, а ты не рабочий, – продолжала она. – Ты вообще не работаешь.

– Ну, знаете ли... это уж слишком! – возмутился Эдмунд. – Как же не работаю?! Я ведь пишу книгу!

– Имеется в виду настоящая работа, – пояснила миссис Светтенхэм. – А миссис Финч, сынок, нам очень даже нужна. Вот обидится она, уйдет от нас – кого мы вместо нее найдем?

– А мы дадим объявление в «Газете», – усмехнулся Эдмунд.

– Да ты что?! Это бесполезно! Да, милый, в наши дни не прожить без старенькой нянюшки, которая готовила бы нам еду и вела хозяйство!

– А почему у нас ее нет? Что ж ты так оплошала и не обеспечила меня вовремя? И о чем ты только думала, мама?!

– Но, дорогой, у тебя была индийская няня.

– О, как ты недаленовидна, мамуля! – пробормотал Эдмунд.

Миссис Светтенхэм вновь углубилась в светскую хронику:

– Продается сенокосилка, б/у. Любопытно... Боже милостивый, что за цена!.. Снова таксы... «Напиши или позвони, я в отчаянии. Макака». Какое нелепое прозвище!.. Кокер-спаниель... Эдмунд, помнишь Сьюзи? Она была прямо как человек. Все понимала... «Продам буфет в стиле шератон.[1 - Шератон – стиль мебели, изготавливавшейся в Англии в начале XIX века Томасом Шератоном.] Подлинник, семейная реликвия. Миссис Лукас. «Дайс-Холл». Ну и врушка! Можно подумать – и впрямь настоящий Шератон! – миссис Светтенхэм презрительно хмыкнула и продолжала читать:– «Дорогая, все было ошибкой. Любовь до гроба. В пятницу, как обычно. Х.». Наверное, влюбленные поссорились. А может, это воровской пароль? Как по-твоему, Эдмунд? Снова таксы! Ей-богу, люди помешались на таксах! Будто других собак нет! Вот у твоего дяди Саймона, сынок, были манчестерские терьеры. Такие грациозные крошки! Мне лично нравится, когда у собак длинные лапы... Дама, уезжающая за границу, продает двухместный катер... А почему ни описания, ни цены?... Свадьба... хотя нет, УБИЙСТВО... Что?! Впервые слышу... Эдмунд, Эдмунд, ты только взгляни: «ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО, КОТОРОЕ ПРОИЗОЙДЕТ В ПЯТНИЦУ, ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ОКТЯБРЯ, В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ В „ЛИТТЛ-

ПЭДДОКСЕ“. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ! ДРУЗЬЯ, СПЕШИТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ!»

– Что такое? – Эдмунд оторвался от газеты.

– Но ведь пятница, двадцать девятое, – это сегодня!

– Ну-ка дай сюда. – Сын взял у матери газету.

– Да, но что бы это значило? – Миссис Светтенхэм сгорала от любопытства.

Эдмунд в задумчивости почесал переносицу.

– Не знаю... Наверно, они решили устроить вечеринку, затеять игру в убийство или что-то в том же духе.

– А-а, – с сомнением в голосе откликнулась миссис Светтенхэм. – Но что за странная манера давать такие объявления! Совершенно не похоже на Летицию Блэклок, я всегда считала ее на редкость здравомыслящей женщиной.

– Может, на нее подействовали развеселые юнцы, что поселились у нее в доме?

– Слишком мало информации в заметке. Сегодня... Как ты думаешь, нам стоит пойти?

– Здесь сказано: «Друзья, спешите принять участие!»

– Однако эта новая мода приглашать гостей страшно беспардонна! – решительно изрекла миссис Светтенхэм.

– Хорошо, мама, не ходи.

– И не пойду! – воскликнула миссис Светтенхэм.

Они помолчали.

– Неужели тебе действительно хочется съесть эту последнюю гренку, Эдмунд?

– Ах, мама, а я-то думал, что мое правильное питание для тебя важнее, чем то, когда эта старая мымра Финч уберет со стола!..

– Тс-с, дорогой, она может услышать!.. А что такое «игра в убийство»?

– Точно не знаю. Кажется, к твоей одежде прицепляют клочки бумаги... или нет, наверное, их все-таки тянут из шапки. Один участник игры становится сыщиком, другой – жертвой, потом гасят свет и кто-нибудь хлопает тебя по плечу. Ты вопишь, падаешь и притворяешься мертвым.

– М-да... звучит увлекательно.

– А по-моему, чертовски скучно. Я не пойду.

– Глупости, Эдмунд! – решительно возразила миссис Светтенхэм. – Раз я собираюсь идти, значит, и ты пойдешь вместе со мной. И нечего тут обсуждать!

– Арчи, – сказала миссис Истербрук мужу, – ты только послушай!

Полковник Истербрук не обратил на нее внимания, поскольку возмущенно пыхтел, читая статью в «Таймс».

– Вся беда этих деятелей в том, – изрек он, – что они не имеют об Индии ни малейшего понятия. Ни малейшего!

– Конечно, милый, конечно.

– Иначе они не писали бы такой ерунды.

– Да-да, Арчи, послушай: «ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО, КОТОРОЕ ПРОИЗОЙДЕТ В ПЯТНИЦУ, ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ОКТЯБРЯ, В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ В „ЛИТТЛ-ПЭДДОКСЕ“. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ! ДРУЗЬЯ, СПЕШИТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ!»

Миссис Истербрук умолкла и с торжествующим видом посмотрела на мужа.

Тот взглянул на нее снисходительно, но без особого интереса.

– Да это просто «игра в убийство», – пояснил он.

Миссис Истербрук ойкнула.

– Хотя, – полковник приосанился, – эта игра может быть довольно забавной, если ее как следует провести. Но для этого нужен специалист. Сначала тянут жребий. Один из игроков назначается убийцей. Кто именно – не объявляется. Потом гасят свет. Убийца выбирает жертву. Она должна сосчитать до двадцати и закричать. Тогда игрок, назначенный сыщиком, начинает расследование. Он допрашивает всех по порядку: где они были, что делали, пытается вывести убийцу на чистую воду. Да, хорошая игра, если только сыщик... м-м... имеет представление о работе в полиции.

– Как ты, например, Арчи. Сколько потрясающих дел было в твоём округе!

Полковник Истербрук снизошел до улыбки и самодовольно покрутил ус.

– Да уж, Лаура... Пожалуй, я мог бы их кое-чему научить.

– Напрасно мисс Блэлок не попросила тебя о помощи.

– Так вокруг нее теперь вертится этот молокосос! – хмыкнул полковник. – Кем он там ей доводится? Племянником?... Наверно, он ее и подбил. Это ж надо додуматься – дать такое объявление!.. Забавно!

– Оно напечатано в разделе светской хроники. Мы могли бы и не заметить. Как по-твоему, это приглашение, Арчи?

– Хорошенькое приглашение! На меня, во всяком случае, рассчитывать нечего.

– Ну, Арчик! – голос миссис Истербрук стал заискивающе-плаксивым.

– Все равно нужно предупреждать заранее. Они же знают, что я могу быть занят!

– Но ведь ты не занят, милый, правда? – промурлыкала миссис Истербрук. – Арчи, я считаю, что пойти помочь бедной мисс Блэклок – твой долг. Она наверняка рассчитывает на твою помощь. Ты же столько знаешь про работу в полиции, про суды... Если ты ей не поможешь, у них ничего не получится. Ведь соседей надо выручать!

Миссис Истербрук склонила набок головку, тряхнула крашеными светлыми кудряшками и широко распахнула голубые глазки.

– Ну, коли так, то, конечно, Лаура, я не против... – Полковник Истербрук снова с важным видом покрутил ус и снисходительно глянул на свою пышнотелую женушку. Миссис Истербрук была моложе его по крайней мере лет на тридцать. – Раз ты так считаешь, Лаура... – протянул он.

– Но ведь это действительно твой долг, Арчи! – торжественно отчеканила миссис Истербрук.

«Чиппинг-Клеорн гзет» принесли и в «Боулдерс» – так назывались три симпатичных соединенных друг с другом коттеджа, где обитали мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд.

– Хинч!

– Чего, Мергатройд?

– Ты где?

– В курятнике.

– Ой!

Осторожно ступая по высокой мокрой траве, мисс Эми Мергатройд пробралась к подруге. Та, облачившись в вельветовые штаны и военный китель, старательно растирала руками корм для кур и бросала его в таз, в котором дымилось довольно неаппетитное варево из картофельных очистков и капустных

кочерыжек. Мисс Хинклифф обернулась. Волосы ее были подстрижены коротко, по-мужски, кожа на лице задубела. На миловидной толстушке по имени мисс Мергатройд была юбка из твида и растянутый пуловер ярко-синего цвета. Кудрявые волосы растрепались и напоминали птичье гнездо. Мисс Мергатройд слегка запыхалась.

– Тут в «Газете», – взволнованно выдохнула Мергатройд. – Только послушай... Как это понимать? «ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО, КОТОРОЕ ПРОИЗОЙДЕТ В ПЯТНИЦУ, ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ОКТЯБРЯ, В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ В „ЛИТТЛ-ПЭДДОКСЕ“. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ! ДРУЗЬЯ, СПЕШИТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ!»

У нее перехватило дыхание, и она умолкла, ожидая авторитетного заключения подруги.

– Рехнуться можно, – изрекла мисс Хинклифф.

– Да, конечно, и все-таки... Что бы это значило, а?

– Как что? Выпивон! – хмыкнула мисс Хинклифф.

– То есть, по-твоему, это приглашение?

– Выясним, когда придем, – сказала мисс Хинклифф. – Шерри-бренди наверняка будет паршивый. Послушай, ты бы сошла с травы, Мергатройд. Стоишь тут в домашних тапочках. Ты же промокнешь.

– О господи! – Мисс Мергатройд уныло воззрилась на свои ноги. – Да, кстати, сколько сегодня яиц?

– Семь. Эта проклятая птица по-прежнему высиживает цыплят. Надо будет загнать ее в курятник.

– Странная манера приглашать гостей, правда? – сказала Эмми, и в ее голосе проскользнули мечтательные нотки.

Однако подруга была сделана из более жесткого теста. Раз она нацелилась на борьбу с непокорной курицей, то никакие, даже самые загадочные, объявления

не могли сбить ее с намеченного курса.

Мисс Хинчклифф с трудом прохлюпала по грязи и бросилась в атаку на пеструю наседку. Та возмущенно закудахтала.

– Надо будет завести уток, – подытожила мисс Хинчклифф. – С ними куда меньше хлопот.

– Какая прелесть! – воскликнула за обедом миссис Хармон, обращаясь к мужу. – У мисс Блэклок намечается убийство.

– Убийство? – немного удивленно переспросил муж. – Когда?

– Сегодня днем... Вернее, вечером, в половине седьмого. Ах, что за невезение, милый, тебе как раз надо готовиться к конфирмации! А ведь ты обожаешь убийства!

– Право, не понимаю, о чем ты, Банч.

Пухленькая миссис Хармон протянула супругу «Газету»:

– Вот, посмотри. Там, где подержанное пианино и вставные зубы.

– Какое странное объявление!

– А я что говорю?! – радостно подхватила Банч. – Никогда бы не подумала, что мисс Блэклок увлекается подобными играми. Наверняка это затея юных Симмонсов... Хотя вообще-то для Джулии Симмонс затея грубовата. Но тем не менее факт остается фактом, и тебе, должно быть, очень обидно, что ты не сможешь пойти. Но ничего, я-то пойду обязательно и потом все-все тебе расскажу. Хотя надо признаться, мне это дастся нелегко, я ведь не люблю игр в темноте. Я их ужасно боюсь. Но надеюсь, меня не будут убивать. А то если мне вдруг положат руку на плечо и шепнут: «Ты убита», сердце у меня остановится и я, наверное, умру. Как ты думаешь, я умру?

– Ну что ты, Банч! Ты доживешь до глубокой старости... вместе со мной.

– И мы умрем в один день, и нас похоронят в одной могиле, да? О, это было бы чудесно!

При мысли о такой перспективе Банч засияла.

– Ты прямо-таки лучишься от счастья, – улыбнулся муж.

– А кто на моем месте не был бы счастлив? – смутилась Банч. – У меня есть ты, и Сьюзан, и Эдвард, и все вы во мне души не чаете, и вам не важно, глупа я или умна. И солнышко светит! И у нас такой чудесный просторный дом!

Преподобный Джулиан Хармон оглядел большую полупустую столовую и с сомнением кивнул:

– Хотя для некоторых людей жизнь в таком огромном доме, где гуляют сквозняки, хуже каторги.

– А мне нравятся большие комнаты. В них долго сохраняется благоухание, долетающее к нам из сада. И потом, тут чувствуешь себя вольготно. И вещи можно кидать куда попало, все равно беспорядка не будет заметно!

– Но у нас нет ни бытовой техники, ни центрального отопления. Тебе, наверное, нелегко управляться с хозяйством, Банч.

– Да какое там «нелегко», Джулиан! Я встаю в полседьмого, немножко поверчусь, как белка в колесе, и к восьми у меня уже все готово. И скажи, разве я плохо справляюсь? Полы натерты пчелиным воском, полировка блестит, в кувшинах осенние листья... Нет, на самом деле с большим домом хлопот даже меньше, чем с маленьким. Вытирать пыль и мыть полы легче, потому что не натыкаешься на вещи, как в тесных комнатухах. И спать в большой холодной комнате приятно: свернешься клубочком, так, что только нос из-под одеяла торчит... прелесть как уютно! А чистка картошки и мытье посуды вообще не зависят от размеров дома. Сам посуду, это же прекрасно, что у Сьюзан и Эдварда такая большая пустая комната! Они могут играть сколько им вздумается и в железную дорогу, и в куклы, и им не нужно убирать игрушки. А еще в большом доме есть где разместить гостей. Взять, к примеру, Джимми Саймеса и Джонни Финча. Беднягам пришлось жить с родителями. А ты сам

знаешь, что это несладко. Ты, конечно, преданно любишь свою маму, но, наверно, тебе не очень-то хотелось бы после свадьбы жить с ней и с отцом. Да и мне, признаться, тоже. Я бы чувствовала себя маленькой девочкой.

Джулиан улыбнулся:

– Но ты и вправду до сих пор как маленькая, Банч.

Сам Джулиан Хармон, судя по всему, давно ощущал себя шестидесятилетним. Хотя до этого возраста ему еще оставалось лет двадцать пять.

– Да, конечно, я глупая...

– Ты вовсе не глупая, Банч. Ты очень умная.

– Нет-нет... Я совсем не интеллектуалка. Я, правда, стараюсь... И мне, честное слово, нравится, когда ты говоришь о литературе, истории и о всяких других науках. Хотя, пожалуй, читать мне по вечерам вслух Гиббона все же не стоило, ведь, когда за окном свистит ветер, а тут у нас так тепло и уютно, меня от Гиббона клонит в сон.

Джулиан рассмеялся.

– Но зато тебя я слушать обожаю! Расскажи мне еще раз про старого священника.

– Да ты давно знаешь все наизусть, Банч!

– Ну, пожалуйста, еще разочек!

– Ладно, – уступил муж. – Старого священника звали Скримгор. Однажды кто-то заглянул в церковь, где он служил, и увидел стоящего на кафедре старика Скримгора, который произносил пламенную проповедь, обращаясь к поденщицам. «Ага! – говорил он, грозя им пальцем. – Я знаю, о чем вы думаете. Вы думаете, что Агасфер – это Артаксеркс Второй. А я скажу вам, что вы ошибаетесь! – восклицал старик и добавлял с неописуемым торжеством: – Агасфер – это Артаксеркс Третий!»

Вообще-то Джулиан не находил в истории ничего особо смешного, но Банч не переставала потешаться. Вот и теперь снова раздался всплеск ее звонкого смеха.

– Ах, старый зануда! Когда-нибудь и ты станешь таким же, Джулиан.

Джулиан смутился.

– Да, я очень переживаю, что мне не всегда удастся говорить просто и доходчиво, – сказал он.

– А вот из-за этого я бы на твоём месте не волновалась. – Банч поднялась из-за стола и принялась складывать на поднос грязную посуду. – Вчера миссис Батт призналась мне, что её муж, который раньше в церковь даже не заглядывал и слыл местным атеистом, теперь каждое воскресенье приходит послушать твою проповедь... «А недавно, мадам, – продолжала она, мастерски копируя рафинированную собеседницу, – мой Батт сказал мистеру Томкинсу из Литтл-Ворсдейла, что наш Чиппинг-Клеорн – это культурный оазис. Не то что Ворсдейл, где мистер Гросс говорит с прихожанами, как с несмышленишками. Наш священник – человек высокообразованный, настоящий джентльмен. Ещё бы! Он не в каких-нибудь Милчестерах, он в Оксфорде обучался! И нас дарит плодами своей образованности. Он все знает и про Древний Рим, и про Грецию, и про Вавилон с Ассирией! Даже кота своего назвал в честь ассирийского царя», – победоносно закончила Банч. – Видишь, какая о тебе идёт слава?... О господи! Мне же надо делать дела, а то я до вечера не управлюсь! Кис-кис-кис, Тиглатпаласар, иди сюда, отведай селедочный хребетик!

Открыв дверь, она ловко придержала её ногой и юркнула в кухню с полным подносом, громко и не особенно благозвучно распевая песню собственного сочинения:

Что за прелестный, убийственный день,

Как благоухает сирень!

Все сыщики разбежались...

Грохот посуды, вываленной в раковину, заглушил следующие слова, но, выходя из дома, преподобный Джулиан Хармон все же услышал последнюю строку, преисполненную ликования:

И мы на убийство собрались!

Глава 2

Завтрак в «Литтл-Пэддоксе»

В «Литтл-Пэддоксе» завтрак тоже был в самом разгаре. Мисс Блэлок, шестидесятилетняя хозяйка дома, сидела во главе стола. Она была в домашнем платье, с которым совершенно не гармонировало ожерелье из крупного фальшивого жемчуга. Мисс Блэлок читала статью Лейн Норкотт, напечатанную в «Дейли мейл». Джулия Симмонс рассеянно перелистывала «Дейли телеграф». Патрик Симмонс разгадывал кроссворд в «Таймс». Мисс Дора Баннер с головой ушла в местный еженедельник, не замечая ничего вокруг.

Мисс Блэлок тихонько хихикнула. Патрик пробормотал:

– Ага! Значит, не «авторитетный», а «авторитарный» – вот где я ошибся!

И вдруг мисс Баннер закудаhtала, как испуганная наседка:

– Летти, Летти, ты видела? Что это?

– В чем дело, Дора?

– Какое странное объявление! В нем написано, что в «Литтл-Пэддоксе» произойдет убийство. Прямо так и написано, черным по белому...

– Дора, дорогая, не волнуйся... Покажи.

Мисс Баннер послушно протянула газету мисс Блэклок и ткнула дрожащим пальцем в загадочные строчки:

– Вот, смотри.

Мисс Блэклок взглянула. Брови ее поползли вверх. Окинув стол испытующим взглядом, она громко прочла:

– «ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО, КОТОРОЕ ПРОИЗОЙДЕТ В „ЛИТТЛ-ПЭДДОКСЕ“ В ПЯТНИЦУ, ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ОКТЯБРЯ, В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ! ДРУЗЬЯ, СПЕШИТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ!» Патрик, это твои выдумки? – вопрошающий взгляд Летиции Блэклок остановился на красивом молодом повесе, сидевшем на противоположном конце стола.

Патрик Симмонс начал поспешно оправдываться:

– Да вы что, тетя Летти?! Как вы могли подумать? И вообще, почему я?

– Потому что с тебя станется, – жестко сказала мисс Блэклок. – Такие шуточки в твоём стиле.

– Шуточки? Господь с вами, тетя Летти!

– Тогда, может, это твоих рук дело, Джулия?

– Разумеется, нет, – ответила Джулия со скучающим видом.

Мисс Блэклок пробормотала:

– Неужели это миссис Хаймес?...

И взглянула на уже опустевшее место за столом.

– Нет, как-то непохоже, что у нашей Филиппы вдруг прорезалось чувство юмора, – откликнулся Патрик. – Она у нас особа серьезная.

– Тогда чья это выдумка? – спросила, позевывая, Джулия. – И вообще, что это означает?

– Наверное, какой-то глупый розыгрыш, – с расстановкой произнесла мисс Блэклок.

– Но зачем? – воскликнула Дора Баннер. – С какой целью? Если это шутка, то очень неумная шутка, дурного тона!

Ее дряблые щеки негодующе затряслись, а подслеповатые глаза возмущенно сверкнули.

Мисс Блэклок улыбнулась:

– Не волнуйся, Банни. Ничего страшного, просто кто-то решил пошутить. Хотелось бы только узнать, кто именно.

– В объявлении говорится «сегодня», – напомнила мисс Баннер, – сегодня в восемнадцать тридцать. Как ты думаешь, что будет?

– Будет смерть, – загробным голосом произнес Патрик. – Сладкая смерть!

– Прекрати сейчас же! – цыкнула на него мисс Блэклок, а мисс Баннер тихо взвизгнула от ужаса.

– ...Но я имел в виду всего лишь торт, который готовит Мици, – снова принялся оправдываться Патрик. – Вы же знаете, мы называем его «Сладкая смерть».

Мисс Блэклок рассеянно улыбнулась.

Однако мисс Баннер не унималась:

– И все-таки, Летти, как ты думаешь?...

Подруга не дослушала. Она старалась казаться беспечной.

– Я знаю только одно, – сухо сказала мисс Блэклок, – в полседьмого к нам пожалует, сгорая от любопытства, добрая половина поселка. Поэтому на твоём месте, Банни, я бы лучше поинтересовалась, есть ли у нас какая-нибудь выпивка.

– А ведь ты волнуешься, Летти!

Мисс Блэклок вздрогнула. Она сидела за письменным столом и рассеянно рисовала на промокашке рыбок. Подняв голову, Летиция посмотрела на встревоженную подругу. Что ей было сказать Доре Баннер? Банни нельзя волноваться, нельзя расстраиваться. Мисс Блэклок помолчала, раздумывая... Они с Дорой Баннер вместе учились в школе. В те давние времена Дора была светловолосой, голубоглазой глупышкой. Но глупость её никому не мешала. С Дорой охотно общались, потому что она была веселой, жизнерадостной и хорошенькой. Подруги считали, что ей нужно выйти замуж за симпатичного военного или за сельского присяжного. Дора обладала массой достоинств: она была нежной, заботливой, верной. Но жизнь жестоко обошлась с бедняжкой. Доре пришлось самой зарабатывать себе на хлеб. И хотя она была очень старательной, её повсюду преследовали неудачи. На долгое время Летиция с Дорой потеряли друг друга из виду. Но полгода назад мисс Блэклок получила письмо, сумбурное и патетическое. Дорино здоровье было подорвано. Она жила в крохотной каморке, пытаясь хоть как-то просуществовать на мизерную пенсию. Ей хотелось бы брать на дом вышивание, но из-за ревматизма она не могла и этого. Банни с умилением вспоминала школьную дружбу... Жизнь, конечно, развела их... но, может быть... вдруг... подруга не откажется ей помочь?

И мисс Блэклок поддавалась внезапному порыву. Бедная Дора, бедная, милая, глупенькая, пухленькая Дора! Летиция бросилась к Доре и привезла её в «Литтл-Пэддокс», сказав, что одной вести хозяйство тяжело и ей нужна помощница. Жить Доре оставалось недолго – так по крайней мере уверяли врачи. И все же порой мисс Блэклок чувствовала, что взяла на себя непомерно тяжелую ношу. Бедняжка Дора постоянно все путала, портила нервы вспыльчивой домработнице-иностранке, теряла счета и письма, а временами просто доводила мисс Блэклок до белого каления. Бедная, бестолковая старушка Дора, она такая преданная, так искренне хочет помочь, так гордится тем, что она нужна и приносит пользу, но, увы, она так ненадежна!..

– Не надо, Дора. Я же тебя просила, – резко оборвала подругу мисс Блэклок.

– Ой! – виновато заморгала мисс Баннер. – Да, конечно... Я просто забыла. Но... ты ведь действительно...

– Волнуюсь? Отнюдь. По крайней мере, – добавила Летиция, стараясь быть правдивой, – не из-за этого. Ты ведь имела в виду нелепое объявление в «Газете»?

– Да... По-моему, даже если это шутка, она какая-то злобная.

– Злобная?

– Да. От всей этой затеи веет злобой. В общем... нехорошая это шутка, вот что!

Мисс Блэклок задумчиво поглядела на подругу. Кроткие глаза, большой упрямый рот, слегка вздернутый носик. Бедная Дора, от нее с ума можно сойти! Бестолковая, преданная Дора... О господи, сколько же с ней хлопот! А теперь еще и это... Кто бы мог подумать, что у выжившей из ума милашки еще сохранился нюх на нравственные и безнравственные поступки?!

– Что ж, похоже, ты права, Дора, – промолвила мисс Блэклок. – Это дурная шутка.

– Не нравится мне она, совсем не нравится! – с внезапной яростью выпалила мисс Баннер. – Я боюсь! – И неожиданно добавила: – Да и ты тоже боишься, Летиция.

– Вздор! – бодро возразила мисс Блэклок.

– Я уверена, затевается что-то опасное. Это как бомба в конверте...

– Да ладно тебе нагнетать! Просто какой-то недоумок решил сострить.

– Не вижу ничего смешного.

И действительно, ничего смешного тут не было. Лицо мисс Блэклок выдало ее потаенные мысли, и Дора торжествующе воскликнула:

– Я же говорила! Ты тоже так думаешь!

– Но, Дора, дорогая...

Мисс Блэклок не договорила. В комнату, словно цунами, ворвалась молодая женщина; ее пышная грудь бурно вздымалась под тесным свитером. Широкая пестрая юбка была посажена на корсаж, вокруг головы обмотаны сальные черные косы. Черные глаза метали молнии.

– Я могу вам обращаться, пожалуйста, да?

Мисс Блэклок вздохнула:

– Разумеется, Мици. Что стряслось?

Право же, подчас ей казалось, что лучше самой готовить еду и вести хозяйство, нежели терпеть бесконечные истерики домработницы-беженки.

– Я не ходить вокруг и возле... Я говорить прямо... Я давать предупреждение о уход... и уходить... уходить сейчас!

– Сейчас? Но почему? Тебя кто-то расстроил?

– Расстроил, да! – трагически воскликнула Мици. – Я не хочу умирать! Я уже бежал в Европа. Моя семья – они все умирали... их убивать, всех: и мама, и маленький брат, и моя такая милая маленькая племянница... все, все убивать. Но я убежать, прятаться, прийти в Англия. Я работать. Я делаю работа, какая никогда не делала на моя родина... Я...

– Да-да, ты говорила, – решительно оборвала мисс Блэклок Мици, по сто раз на дню повторявшую одно и то же. – Но все-таки мне непонятно, почему ты решила уйти именно сегодня?

– Потому что они опять приходят меня убивать!

– Кто?

– Мои враги. Наци! Они узнавать, что я здесь, и приходить убивать. Я об это читаль, да, я читаль газет!

– Ты имеешь в виду нашу «Газету»?

– Вот, здесь написано, – Мици достала из-за спины «Газету». – Видишь, здесь они прямо говорить: «Убийство». Убийство в «Литтл-Пэддоксе». Или это не значит здесь? Сегодня вечер, в половина седьмого. Ай! Я не хочу ждать, когда меня убивать... Нет!

– Но почему ты считаешь, что это про тебя? Мы, например, думаем, что кто-то просто пошутил.

– Пошутил? Разве убивать – это шутка?

– Нет, конечно. Но, дорогая девочка, если бы кто-нибудь захотел тебя убить, он бы не стал давать объявление в газете.

– Да? – Мици призадумалась. – Вы хотите сказать, они никто не хотеть убивать? А может, они хотеть убивать вас, мисс Блэклок?

– В жизни не поверю, что кто-то решил меня убить, – беспечно заявила мисс Блэклок. – И главное, Мици, я совершенно не понимаю, зачем убивать тебя. Ну, зачем, скажи на милость?

– Потому что они плохие... очень плохие. Я вам уже говорить: и маленький брат, и мама, и моя такая милая маленькая племянница...

– Да-да, конечно, – ловко остановила поток словоизлияний мисс Блэклок. – Но все равно мне не верится, что тебя хотят убить, Мици. Хотя если ты твердо решила уйти, причем предупредив меня за пять минут до своего ухода, я не в силах тебе помешать. Но учти, ты сделаешь огромную глупость, – уже другим тоном произнесла мисс Блэклок и поспешила добавить, заметив, что Мици заколебалась: – Говядина, что прислал к обеду мясник, по-моему, слишком жесткая.

– Я буду готовить гуляш, специальный гуляш.

– Специальный так специальный. А кстати, ты не могла бы сделать сырные палочки? Ну, из того засохшего куска сыра... А то ведь к нам могут сегодня пожаловать гости.

– Сегодня? Что значит «сегодня»?

– То и значит. В половине седьмого.

– Но... это же время, которое написать газета! Кто придет? Зачем придет?

– На похороны, – сказала, подмигнув, мисс Блэклок и добавила, пресекая дальнейшие возражения: – Все, Мици, хватит. Мне некогда. Ступай и, пожалуйста, поплотнее закрой за собой дверь.

– Так... на некоторое время покой обеспечен, – вздохнула хозяйка дома, когда дверь за ошарашенной Мици захлопнулась.

– Ах, Летти! Ты такая деловая! – восхищенно воскликнула мисс Баннер.

Глава 3

В половине седьмого

– Ну, вроде все, – сказала мисс Блэклок, придирчиво окидывая взглядом двойную гостиную. Ситцевая мебельная обивка с мелкими розочками, золотистые шары хризантем... вазочка с фиалками и серебряная сигаретница на столике возле стены... поднос с напитками на столе посреди комнаты... «Литтл-Пэддокс» представлял собой средний по величине особняк, построенный в стиле ранней Викторианской эпохи. В узкой, продолговатой гостиной вечно царил полумрак, потому что крыша веранды заслоняла солнечный свет; в дальнем конце когда-то были двойные двери, которые вели в маленькую комнатку с окном в нише, но потом двойные двери убрали и заменили бархатными портьерами. Когда же в

особняке поселилась мисс Блэклок, она окончательно соединила две комнаты в одну. В каждой половине был свой камин, и, хотя ни один не горел, по комнате разливалось приятное тепло.

– Вы включили отопление? – спросил Патрик.

Мисс Блэклок кивнула:

– Да, тут было так зябко и промозгло! В доме жуткая сырость, поэтому я попросила Ивана затопить перед уходом котел.

– Неужто не пожалели драгоценного кокса? – усмехнулся Патрик.

– Вот именно: драгоценного. Но иначе нам пришлось бы расходовать еще более драгоценный уголь. Сам знаешь, отопительная контора не выделяет ни грамма сверх того, что нам положено на неделю... если только не заявить, что нам не на чем готовить еду.

– Но ведь когда-то были целые горы угля и кокса, и они продавались совершенно свободно? – Джулия сказала так, как будто речь шла не об Англии, а о какой-то диковинной заморской стране.

– Да, и причем по дешевке.

– И кто угодно мог пойти и купить все, что хотел, без карточек и ограничений? Неужели тогда всего было полно?

– Да, дорогая. И топливо было любого сорта и любого качества, а не как сейчас, только камни и сланец.

– Эх, жили же люди! – с завистью произнесла Джулия.

Мисс Блэклок улыбнулась:

– Мне тоже приходят на ум такие мысли, когда я оглядываюсь назад. Но ведь я старуха. И естественно, мое время кажется мне самым лучшим. Но вам, молодым, негоже вести подобные речи.

– Я тогда могла бы не работать, – продолжала, не слушая тетку, Джулия. – Сидела бы себе дома, составляла цветочные букеты и писала письма... Почему тогда писали столько писем? Кому?

– Всем тем, кому ты сейчас звонишь по телефону, – лукаво прищурилась мисс Блэклок. – Хотя мне, честно говоря, не верится, что ты умеешь писать, Джулия.

– Да уж конечно, я не следую «Полному руководству по написанию писем», которое раскопала тут у вас на днях. Это прелесть что такое! Представляете, там даже дают советы, как достойно отказать вдовцу, если он просит твоей руки.

– И тем не менее вряд ли тебе удалось бы всю жизнь пробездельничать. У людей и тогда было много разных обязанностей, – сухо сказала мисс Блэклок. – Впрочем, я мало сведуща в светской жизни. Нам с Банни, – она одарила Дору Баннер нежной улыбкой, – рано пришлось отправиться на биржу труда.

– О да, очень рано! – поддакнула мисс Баннер. – Господи, каких гадких, отвратительных детей мне пришлось обучать! Никогда их не забуду. Летти, правда, оказалась умнее меня. Она проникла в деловой мир, стала секретаршей финансового воротилы...

Внезапно открылась дверь, и вошла Филиппа Хаймес, статная, красивая, спокойная женщина. Она удивленно огляделась по сторонам:

– Здравствуйте! А вы что, гостей ждете? Почему мне ничего не сказали?

– Это невероятно! – воскликнул Патрик. – Филиппа не знает! Бьюсь об заклад: она единственная женщина в Чиппинг-Клеорне, которая ничего не знает!

Филиппа вопросительно взглянула на него.

– Узрим мы вскоре, – Патрик театрально взмахнул рукой, – убийства сцену!

Филиппа Хаймес слегка удивилась.

– Вот это, – Патрик указал на хризантемы, – похоронные венки, а оливки и сырные палочки символизируют поминальное угощение.

Филиппа перевела вопросительный взгляд на мисс Блэклок.

– Это шутка? Вы же знаете, я начисто лишена чувства юмора.

– Да, это очень гадкая шутка! – взволнованно ответила за Летицию мисс Баннер. – Мне она совершенно не нравится.

– Покажи объявление, – велела ей мисс Блэклок. – А я пойду загоню уток. Уже темно. Им пора домой.

– Давайте я схожу, – предложила Филиппа.

– Что ты, дитя мое! Ты отдыхай, на сегодня твоя работа закончена.

– Тогда давайте схожу я, – вызвался Патрик.

– Нет-нет, ни в коем случае! – решительно возразила мисс Блэклок. – В прошлый раз ты плохо задвинул засов.

– Летти, дорогая, позволь мне пойти! – взмолилась мисс Баннер. – Честное слово, я с удовольствием! Вот только галоши надены и кофту... Ах, куда же она запропастилась?

Но мисс Блэклок, улыбаясь, уже выходила из комнаты.

– Дохлый номер, Банни, – ухмыльнулся Патрик. – Тут энергия бьет ключом. Тетушка не выносит, когда что-нибудь делают за нее. Она везде хочет поспеть сама.

– Да, она очень самостоятельная, – поддакнула Джулия.

– Хотя ты, если не ошибаюсь, не предлагала ей своих услуг, – подколот Джулию брат.

Девушка лениво улыбнулась.

– Ты сам только что сказал, что тете Летти нравится со всем справляться самой. И потом, – она вытянула вперед изящную ногу в тонком чулке, – я же надела свои выходные чулки.

– Смерть в шелковых чулках! – патетически воскликнул Патрик.

– Не в шелковых, кретин, а в нейлоновых.

– Это не так красиво звучит.

– Послушайте, может, кто-нибудь объяснит мне, – жалобно сказала Филиппа, – почему здесь столько говорят о смерти?

Все загалдели, перебивая друг друга, хотели показать ей «Газету», но не смогли – Мици унесла ее в кухню.

Мисс Блэклок вернулась через несколько минут.

– Так, – она бросила беглый взгляд на часы, – значит, у нас все готово. А времени – двадцать минут седьмого. Ну что ж, теперь одно из двух: или сейчас к нам пожалуют гости, или я совершенно не понимаю своих соседей.

– Да, но с какой стати им приходить? – в замешательстве спросила Филиппа.

– Дорогая, неужели ты действительно не в курсе? Впрочем, похоже, что нет. М-да, другую такую нелюбопытную особу днем с огнем не сыскать.

– Отношение Филиппы к жизни можно выразить одним словом: равнодушие, – гаденьким тоном произнесла Джулия.

Филиппа предпочла промолчать. Мисс Блэклок посмотрела по сторонам.

Мици успела поставить на стол бутылку шерри и три блюда – с оливками, сырными палочками и какими-то миниатюрными печеньками.

– Патрик, если тебе не трудно, переставь поднос в угол. Вон туда, в нишу. А лучше передвинь весь стол. В конце концов, у нас ведь не званый ужин. Я лично никого не приглашала и не хочу, чтобы было заметно, что я жду гостей.

– Как, тетя Летти?! Вы намерены скрыть вашу прозорливость?

– Ты прекрасно справился с заданием, Патрик. Большое спасибо, дорогой.

– Что ж, будем изображать тихий семейный вечер в домашнем кругу, – сказала Джулия, – а при виде неожиданных гостей выразим искреннее удивление.

Мисс Блэклок взяла бутылку шерри-бренди и замерла в нерешительности.

– Да здесь почти полбутылки, – ободрил ее Патрик. – Я думаю, должно хватить.

– Да, конечно. – Мисс Блэклок колебалась и, слегка покраснев, попросила: – Патрик, пожалуйста... в кладовке, в шкафу, есть новая бутылка. Принеси ее и захвати с собой штопор. Я... то есть мы вполне можем выставить на стол и новую бутылку. А то эта... она уже початая.

Патрик молча исполнил ее просьбу и, вернувшись с новой бутылкой, вытащил из нее пробку. Ставя шерри-бренди на поднос, он с любопытством поглядел на мисс Блэклок.

– Послушайте, а вы, похоже, это принимаете всерьез? – участливо спросил он.

– Еще бы не всерьез! – возмутилась шокированная Дора Баннер. – Нет, Летти, ты даже себе не представляешь...

– Тс-с! – резко оборвала ее мисс Блэклок. – Звонок. Что я говорила? Как видите, мои мудрые пророчества начинают сбываться.

Мици распахнула дверь в гостиную, впуская полковника Истербрука с супругой. У Мици была своеобразная манера объявлять о приходе гостей.

– Тут этот... полковник и миссис Истербрук... заявили, – фамиллярно сообщила она.

Полковник, пытаясь скрыть смущение, вел себя разудало.

– Ничего, что мы к вам как снег на голову? – спросил он.

Из угла, где сидела Джулия, раздался тихий смех.

– Вот, проходили мимо и решили заскочить. Промозглый сегодня вечерок. Я смотрю, вы уже затопили. А мы пока не топим.

– Что за прелесть ваши хризантемы! – зашлась от восторга миссис Истербрук.

– Да они слова доброго не стоят! – возразила Джулия.

С Филиппой Хаймес миссис Истербрук поздоровалась особенно сердечно, как бы желая подчеркнуть, что понимает, насколько Филиппа выше обычных сельскохозяйственных рабочих.

– Как поживает садик, миссис Лукас? Вы полагаете, его можно привести в нормальное состояние? Он ведь в полнейшем запустении... всю войну без ухода... да и после войны за ним никто не ухаживал... Противный старикан Эйш только подметал там листья и сажал кое-где капусту.

– Да, сад надо приводить в порядок, – согласилась Филиппа. – Но это недолго.

Мици снова распахнула дверь и выпалила:

– Тут эти... дамы из «Боулдерса»!

– Добрый вечер! – Мисс Хинчклифф двумя шагами перемахнула комнату и стиснула в своей огромной клешне руку мисс Блэклок. – Я сегодня возьми да и скажи Мергатرويد: «А чего бы нам не нагрянуть в „Литтл-Пэддокс“?» Хотелось узнать, как высиживают утят ваши утки.

– Так день укоротился, не успеешь оглянуться, а уже смеркается, да? – с легким волнением зашебетала мисс Мергатройд, обращаясь к Патрику. – О, какие прелестные хризантемы!

– Веник! – буркнула Джулия.

– Почему ты не желаешь общаться? – с упреком шепнул ей Патрик.

– О, вы уже затопили! – в устах мисс Хинчклифф это прозвучало как обвинение. – Что-то слишком рано...

– В это время года в доме ужасно сыро, – принялась оправдываться мисс Блэклок.

Патрик просигналил бровями: «Подавать шерри?» Мисс Блэклок послала ответный сигнал: «Пока не надо».

Она поинтересовалась у полковника Истербрука:

– Вам прислали из Голландии луковицы тюльпанов?...

Дверь снова отворилась, и вошла слегка пристыженная миссис Светтенхэм, за спиной которой маячил хмурый и сконфуженный Эдмунд.

– А вот и мы! – весело воскликнула миссис Светтенхэм и с явным любопытством посмотрела по сторонам. Но тут же смутилась и добавила: – Я просто так решила забежать... хотела спросить, мисс Блэклок, не нужен ли вам котенок. А то наша кошка вот-вот...

– Попадет на родильный стол, – закончил вместо матери Эдмунд. – Результат будет ужасающим. Так что потом не говорите, что я вас не предупреждал.

– Наша кошка прекрасно ловит мышей, – поспешно возразила миссис Светтенхэм. И добавила: – Какие прелестные хризантемы!

– О, а вы, я гляжу, затопили, – пытаюсь выглядеть оригинальным, изрек Эдмунд.

– Как же люди похожи на граммофонные пластинки! – прошептала Джулия.

– Последние сводки новостей мне не нравятся! – заявил полковник Истербрук, мертвой хваткой вцепившись в Патрика. – Не нравятся – и точка. Спросите меня, и я отвечу: война неизбежна... неизбежна – и точка!

Дверь опять распахнулась, и вошла миссис Хармон. Пытаясь одеться помоднее, она нацепила поношенную фетровую шляпку, а вместо домашнего свитера надела какую-то несуразную блузку с рюшечками.

– Хэлло, мисс Блэклок! – лучезарно улыбаясь, воскликнула Банч. – Надеюсь, я не опоздала? Когда начнется убийство?

...Все ахнули. Джулия одобрительно хохотнула, Патрик сморщился, а мисс Блэклок растянула губы в улыбке.

– Джулиан рвал и метал, что не может прийти, – продолжала миссис Хармон. – Он у меня обожает убийства. В прошлое воскресенье это подвигло его произнести прекрасную проповедь... Мне, наверно, не стоит хвалить Джулиана, ведь он как-никак мой муж, но проповедь и вправду удалась, вы не находите? По-моему, она получилась куда лучше остальных его проповедей... А все из-за детектива «Козни смерти». Вы читали? Продавщица книжного магазина в Бутсе отложила для меня экземплярчик. О, там так все запутано, ничего не разобрать! Только думаешь: наконец-то хоть что-то прояснилось, и вдруг на тебе – опять ничего не понятно! А убийств какая уйма! Целых четыре или даже пять, прелесть что такое! Я случайно забыла книжку в кабинете, а Джулиан пришел туда, чтобы подготовиться к проповеди. Решил взглянуть, зачитался и не смог оторваться до самого конца. В общем, проповедь пришлось составлять наспех, на всякие ученые штучки-дрючки времени уже не хватало... И естественно, получилось в сто раз лучше, чем обычно!.. О боже, я совсем заболталась! Так все-таки, скажите на милость, когда начнется убийство?

Мисс Блэклок взглянула на каминные часы и бодро ответила:

– Если ему суждено начаться, то уже вот-вот. До половины седьмого осталась ровно одна минута. А пока выпейте шерри.

Патрик с готовностью устремился в проход под аркой. Мисс Блэклок подошла к столику, стоявшему возле этого прохода, и потянулась за сигаретами.

– Выпить-то я выпью с удовольствием, – откликнулась миссис Хармон. – Но почему вы сказали «если»?

– А потому что я, – сказала мисс Блэклок, – пребываю в таком же неведении, как и вы. Откуда мне знать...

Тут она осеклась, повернув голову на бой каминных часов. Звук был нежный, мелодичный, похожий на звон колокольчиков. Все тоже замолчали и замерли, глядя на часы, которые отбили четверть, потом половину. А когда замер последний звук, комната вдруг погрузилась в темноту... Послышались восхищенные вздохи и женский писк.

«Началось!» – в экстазе воскликнула миссис Хармон.

Дора Баннер жалобно захныкала:

– Ой, мне это совсем не нравится!

С разных сторон доносились и другие голоса:

– Какой кошмар! Какой ужас!

– Страшно, аж жуть!..

– У меня мурашки по коже бегают!..

– Арчи, ау!.. Что теперь надо делать?...

– О господи, я, кажется, отдал вам ногу. Простите, пожалуйста!

Потом с грохотом распахнулась дверь. Яркий свет фонаря забежал по комнате, и хриплый мужской голос скомандовал:

– Руки вверх! А ну руки вверх, кому говорят!

Все сразу почувствовали себя как в кино и восхищенно подняли руки.

– Вот это да! – выдохнула какая-то дамочка. – С ума сойти можно...

И вдруг пистолет заговорил. Он выстрелил дважды. Свист пуль вдребезги разбил всеобщее благодушие. Игра перестала быть игрой. Кто-то взвизгнул... Человек в дверях обернулся, казалось, заколебался, но грянул третий выстрел, и он упал. Фонарь выпал из его руки и потух. Все опять погрузилось во мрак, а дверь в гостиную медленно, со слабым, негодующим стоном закрылась и защелкнулась.

...В комнате началось вавилонское столпотворение. Все кричали наперебой:

– Свет, включите свет!.. Неужели нельзя найти выключатель?... У кого есть зажигалка?... Ой, не нравится мне это, совсем не нравится!.. Но ведь стрельба была настоящая!.. У него был настоящий пистолет!.. Это грабитель?... Арчи, Арчи, я хочу домой!.. Ради бога, достаньте зажигалку!..

Затем почти одновременно щелкнули две зажигалки и вспыхнуло два маленьких ровных пламени. Все, щурясь, испуганно смотрели друг на друга.

Прислонившись к стене, у прохода под аркой стояла мисс Блэклок. Она закрывала лицо руками, и что-то темное струилось у нее между ее пальцами; ничего больше разглядеть при таком слабом освещении было невозможно.

Полковник Истербрук прочистил горло и даже встал ради такого случая.

– Попробуйте нажать на выключатель, Светтенхэм, – приказал он.

Застывший возле двери Эдмунд послушно щелкнул выключателем.

– Или на станции авария, или пробки перегорели, – важно изрек полковник. – Эй, а там что за базар?

За дверью вопил-разрывался женский голос. Вопль становился все истошней, и наконец в дверь забарабанили. Тихо всхлипывавшая Дора Баннер воскликнула:

– Это Мици! Ее убивают!..

– Как же! Дождешься такого счастья! – пробормотал Патрик, а мисс Блэклок сказала:

– Надо достать свечи. Патрик, будь добр...

Но полковник уже открыл дверь. Освещая себе путь зажигалками, они с Эдмундом вышли в холл и чуть не споткнулись о лежавшего на полу человека.

– Похоже, готов, – сказал полковник. – Ну и где ваша горлодерка?

– В столовой, – ответил Эдмунд.

Дверь столовой выходила в холл. Слышно было, как кто-то бьется о стены, воеет и визжит.

– Ее заперли, – сказал, наклоняясь в поисках замочной скважины, Эдмунд.

Едва он повернул ключ, Мици выпрыгнула из комнаты, как тигр из клетки. В столовой свет был. Мици являла собой картину неописуемого ужаса и продолжала визжать. Однако во всей этой ситуации было нечто комическое, потому что в момент нападения она чистила столовое серебро и до сих пор сжимала в одной руке шкурку, а в другой – длинный нож для разделки рыбы.

– Успокойся, Мици, – сказала мисс Блэклок.

– Да-да, перестань кричать! – поддержал ее Эдмунд, но, поняв, что Мици явно не собирается замолкать, подался вперед и влепил ей звонкую пощечину. Мици судорожно глотнула воздух, икнула и умолкла.

– Достаньте свечи, – распорядилась мисс Блэклок. – Они на кухне в шкафу. Патрик, ты знаешь, где у нас пробки?

– В коридоре за посудомоечной? Сейчас посмотрю.

Мисс Блэклок вступила в полосу света, падавшего из столовой, и Дора Баннер чуть не захлебнулась рыданиями. Мици же опять издала душераздирающий вопль.

– Кровь! Кровь! – истошно заголосила она. – Вас стреляли, мисс Блэклок... Вы умирать от терзания крови!

– Не болтай глупостей! – оборвала ее мисс Блэклок. – Я вовсе не ранена. Только ухо слегка поцарапано.

– Но, тетя Летти, – сказала Джулия, – это действительно кровь.

И правда, белая блузка мисс Блэклок, ее жемчужное ожерелье и руки – все было запачкано кровью.

– Уши всегда сильно кровоточат, – сказала мисс Блэклок. – Помнится, как-то в детстве я потеряла сознание в парикмахерской. Мастер чуть-чуть порезал мне ухо, а крови натекло целое ведро. Однако надо бы зажечь свет...

– У меня есть свеч, – подала голос Мици.

Джулия пошла вместе с ней, и они принесли на блюдцах несколько свечей.

– Так-так, посмотрим-ка на нашего злодея, – сказал полковник. – Опустите свечу пониже, Светтенхэм. Еще ниже, еще...

– Давайте я зайду с другой стороны, – предложила Филиппа.

Она решительно взяла пару блюдеч. Полковник Истербрук опустился на колени.

Человек, лежавший на полу, был одет в мешковатый черный плащ с капюшоном. На лице была черная маска, на руках – черные нитяные перчатки. Капюшон сполз, из-под него выбивались всклокоченные светлые волосы. Полковник Истербрук перевернул незнакомца на спину, пощупал пульс, послушал, бьется ли сердце, и, вскрикнув от отвращения, отдернул руки. Они были липкими и

красными.

– Застрелился, – сказал полковник. – Может, это самоубийство, а может, он упал, запутавшись в плаще, и в момент падения пистолет разрядился. Очень плохо видно...

И тут как по мановению волшебной палочки зажегся свет.

Со странным чувством, будто все происходит понарошку, жители Чиппинг-Клеорна, столпившиеся в холле «Литтл-Пэддокса», вдруг осознали, что на их глазах трагически погиб человек. Рука полковника Истербрука покраснела от крови. Кровь все еще текла по шее мисс Блэклок, капая на блузку и юбку, а на полу лежал нелепо растянувшийся незванный гость.

– Похоже, всего одна пробка перегорела... – Вошедший в комнату Патрик осекся.

Полковник потянулся к узкой черной маске, прикрывавшей лицо трупа:

– Давайте-ка взглянем, что это за тип. Хотя мы вряд ли его знаем.

Он сорвал маску. Все вытянули шеи. Мици икнула, судорожно хватая ртом воздух. Остальные стояли неподвижно, как истуканы.

– Совсем молоденький, – жалостливо протянула миссис Хармон.

А Дора Баннер взволнованно воскликнула:

– Летти, Летти, это же молодой человек из отеля «Спа» в Меденхэм-Уэллсе! Он еще приходил к нам, просил денег, чтобы вернуться в Швейцарию, а ты ему отказала. Наверное, это был лишь предлог, а на самом деле он хотел пробраться в дом и изучить планировку. Господи, он ведь мог убить тебя!..

Мисс Блэклок поспешила взять инициативу в свои руки:

– Филиппа, отведи Банни в столовую и дай ей полрюмки бренди. Джулия, дорогая, сбегай в ванную и принеси мне из шкафчика лейкопластырь, а то я тут все заляпаю. А ты, Патрик, звони в полицию.

Глава 4

Отель «Ройал Спа»

Начальник полиции Миддлшира Джордж Райдесдейл был человеком спокойным. Этот мужчина среднего роста с пронизательными глазами под кустистыми бровями имел обыкновение больше слушать, чем говорить. Выслушав же собеседника, он бесстрастно отдавал лаконичные приказы, которые неукоснительно выполнялись.

Сейчас Райдесдейл слушал отчет инспектора Дермота Краддока, которому было поручено расследовать происшествие в «Литтл-Пэддоксе». Вчера ночью Райдесдейл вызвал Краддока из Ливерпуля, куда тот был отправлен для наведения справок по другому делу. Райдесдейл высоко ценил своего сотрудника. Тот не только обладал острым умом и богатым воображением, но еще и отличался дисциплинированностью и терпением (что для Райдесдейла было важнее ума) и мог вести расследование не торопясь, перепроверя каждый факт и сохраняя способность непредубежденно мыслить до самого конца следствия.

– Вызов принял констебль Легг, сэр, – сообщил Райдесдейлу Краддок. – Он проявил оперативность и не потерял присутствия духа. А это было нелегкой задачей. Вы только представьте себе десяток людей, галдящих наперебой. Даже эта беженка, которая вообще-то боится полицейских как черт ладана, и та орала. Ей почудилось, что она угодила в ловушку, и бедняга вопила так, что в доме чуть не обрушились стены.

– Вам удалось установить личность покойника?

– Так точно, сэр. Это некий Руди Шерц. Швейцарец. Работал администратором гостиницы «Ройал Спа» в Меденхэм-Уэллсе. Если вы не возражаете, сэр, я сначала поеду туда, а потом в Чиппинг-Клеорн. Там сейчас сержант Флетчер. Он должен встретиться с водителями автобусов, а после отправиться в «Литтл-Пэддокс».

Райдесдейл одобрительно кивнул.

Открылась дверь. Начальник полиции поднял глаза.

– Входите, Генри, – сказал он. – У нас довольно оригинальное дело.

Сэр Генри Клиттеринг, бывший комиссар Скотленд-Ярда, поднял брови.

– Это может заинтересовать даже Вашу Пресыщенность.

– Неправда, пресыщенным я никогда не был! – возмутился сэр Генри.

– Вы уже слышали о последнем писке моды? – спросил Райдесдейл. – Теперь об убийствах оповещают заранее. Краддок, пожалуйста, покажите сэру Генри объявление.

Клиттеринг прочел абзац, в который ткнул пальцем Краддок.

– М-да, действительно оригинально.

– А удалось установить, кто подал объявление? – поинтересовался Райдесдейл у Краддока.

– Судя по всему, это был сам Руди Шерц. Он дал объявление в среду.

– И оно никого не заинтриговало? Неужели человек, который его принимал, не удивился?

– Тощая блондинка, сидящая на приеме объявлений, не обладает способностью к мышлению. По крайней мере мне так показалось, сэр. Она просто сосчитала количество слов и взяла у клиента деньги.

– Но зачем он это затеял? – недоуменно спросил сэр Генри.

– Наверное, чтобы собрать побольше народу, – предположил Краддок. – Вероятно, он решил собрать местных зевак, крикнуть: «Руки вверх!» и быстренько облегчить их карманы от лишних денег и драгоценностей. Идея довольно оригинальная.

– А что за место этот Чиппинг-Клеорн? – поинтересовался сэр Генри.

– Это большой живописный поселок. Он растянулся на несколько миль. Там есть лавка мясника, лавка зеленщика, булочная, вполне приличный антикварный магазинчик, две чайные. Красивое местечко. Обслуживает автотуристов. Плотность населения высокая. Раньше в коттеджах жили фермеры, а теперь обитают старые девы и пожилые супружеские пары. Большинство домов построено в Викторианскую эпоху.

– Представляю, – сказал сэр Генри. – Божьи одуванчики и отставные полковники. Да, эти люди действительно явятся, увидев объявление в газете, они ужасно любопытны. Эх, много бы я дал за то, чтобы мой собственный божий одуванчик оказался там вчера! Неужели ей не захотелось бы впиться в эту историю своими мелкими дамскими зубками? Это вполне в ее духе!

– Вы о ком, сэр Генри? О своей тетушке?

– О нет, – вздохнул сэр Генри. – Она мне не родственница... Но это самый лучший сыщик на свете. Природный гений, взращенный на благодатной почве. – Он повернулся к Краддоку. – И вам не стоит пренебрегать божьими одуванчиками, обитающими в этом поселке, мой мальчик. Запомните на всякий случай – вдруг дело окажется запутанным? Старая дева, сидящая на лавочке с вязаньем или обожающая возиться в саду, даст сто очков вперед любому следователю. Она расскажет вам, что могло произойти, и что должно было произойти, и даже что на самом деле произошло. А главное – вы узнаете от нее, почему это произошло!

– Буду иметь в виду, – кивнул инспектор Краддок, стараясь держаться как можно официальнее. Никто никогда бы не догадался, что Дермот Эрик Краддок – крестный сын сэра Генри и на самом деле отношения у них очень близкие и дружеские.

Райдесдейл кратко изложил сэру Генри суть дела.

– В том, что они соберутся в половине седьмого, можно было не сомневаться, – сказал он напоследок. – Но как об этом мог узнать наш швейцарец? И еще одно: откуда у него возникла уверенность, что ему будет чем поживиться?

– Да, улов негустой... Пара старомодных брошек, нитка фальшивого жемчуга, от силы две банкноты, – задумчиво произнес сэр Генри. – Вы не знаете, мисс Блэклок хранит дома много денег?

– Вроде бы нет, сэр. Фунтов пять, не больше.

– Особо не разгуляешься, – заметил Райдесдейл.

– Вы хотите сказать, – подытожил сэр Генри, – что молодчику просто нравились розыгрыши? Вам кажется, это был не грабеж, а маскарад, игра в налетчика? Как в кино? Что ж, вполне вероятно. Вот только как он умудрился застрелиться?

Райдесдейл протянул ему бумагу:

– Предварительное медицинское заключение. Выстрел произведен с близкого расстояния... ожоги... гм... Да, но все равно неясно, что это: самоубийство или несчастный случай. Может, он действительно застрелился, а может, пистолет разрядился случайно, когда молодой человек споткнулся и упал. По-моему, вероятней последнее. – Сэр Генри посмотрел на Краддока. – Надо очень тщательно опросить свидетелей. Пусть точно опишут, что они на самом деле видели.

Инспектор Краддок вздохнул:

– Каждый из них видел что-то свое.

– Меня всегда занимал вопрос, – сказал сэр Генри, – что видят люди в минуту крайнего возбуждения или нервного потрясения? А еще интереснее то, чего они не замечают...

– Что известно про пистолет?

– Он иностранного производства. В Европе довольно много pistols такой марки. Шерц не имел разрешения на оружие. Въезжая в Англию, он не декларировал оружие.

– Прохвост, – сказал сэр Генри.

– Да уж, с какой стороны ни посмотри. Ладно, Краддок, вы свободны. Выясните все, что сможете, о Руди Шерце в отеле «Ройал Спа».

В «Ройал Спа» Краддока сразу повели к управляющему.

Высокий румяный добряк Роулендсон принял его с отменным радушием.

– Счастлив буду помочь всем, чем смогу, инспектор. Поверьте, для меня это полная неожиданность! Никогда бы не поверил... Шерц казался мне таким заурядным парнем, симпатичным, но совершенно обыкновенным. Я и представить его не мог в роли налетчика.

– Он давно работал у вас, мистер Роулендсон?

– Как раз перед вашим приходом я поднял документацию. Руди проработал тут чуть больше трех месяцев. Рекомендации у него были хорошие, все бумаги были в порядке.

– Он вас устраивал?

От Краддока не укрылось, что Роулендсон слегка замялся.

– Д-да, вполне.

Краддок прибегнул к испытанной тактике.

– Ах, мистер Роулендсон, – сказал он, ласково качая головой, – вы ведь не до конца со мной откровенны.

– Я? Э-э... – Управляющий явно был застигнут врасплох.

– Видите? Нет, тут что-то не так. Что именно?

– В том-то и дело, что я не знаю.

– Но у вас возникли какие-то подозрения.

– М-м... да. Я... Но у меня нет доказательств! Мне бы не хотелось, чтобы мои домыслы были записаны и потом использованы против меня.

Краддок любезно улыбнулся:

– Я знаю, на что вы намекаете. Не беспокойтесь. Мне просто необходимо уяснить, что собой представлял этот Шерц. Вы его подозревали. В чем?

– Пару раз у нас возникали сложности со счетами, – промямлил Роулендсон. – В них было включено то, чего включать не следовало.

– Иными словами, вы подозревали Шерца в том, что он брал деньги за услуги, которые не числятся в прейскуранте гостиницы, а разницу прикарманивал?

– Ну да, примерно так. Вообще-то он не больно осторожничал. Два раза речь шла о весьма крупных суммах. Сказать по совести, я однажды заставил нашего бухгалтера проверить все бухгалтерские книги, предполагая, что он... м-м... ошибся, но, хотя в бумагах действительно были обнаружены некоторые неточности, да и дела бухгалтер вел весьма небрежно, в целом касса оказалась в порядке. Так что я возводил на Руди напраслину.

– А если нет? Что, если Шерц, урывая понемножку то тут, то там, умудрился сколотить приличный капиталец?

– Это было бы возможно, если у Руди существовал еще какой-нибудь источник доходов. Но люди, которые, как вы изволили выразиться, урывают понемножку то тут, то там, обычно нуждаются в деньгах, а получая, сразу же их тратят.

– Значит, если бы Шерцу понадобилось покрыть недостачу, то ему нужно было бы раздобыть денег... Например, кого-нибудь ограбить, да?

– Да. Простите за любопытство, это была его первая попытка?

– Вероятно. Во всяком случае, проделано все крайне неумело. А кто мог, как говорится, подкинуть ему денег? Может, у него была женщина?

– Была одна официантка из гриль-бара. Мирна Харрис.

– Мне хотелось бы с ней побеседовать.

Мирна Харрис оказалась миловидной курносой девушкой с копной рыжих волос. Она была встревожена и напряжена. Ее явно возмущало, что приходится отвечать на вопросы полицейского.

– Я ничего не знаю, сэр. Ни-че-го! Знай я, что он за тип, никогда не стала бы с ним связываться. А так я видела, что он работает в отеле, и думала, будто он нормальный человек. Во всяком случае, мне так казалось. А вообще-то гостиницам следовало бы тщательнее подбирать персонал, особенно иностранцев. С ними нужно держать ухо востро. Он, наверно, был членом одной из шаяк, о которых пишут в газетах.

– Мы предполагаем, – сказал Краддок, – что Шерц действовал в одиночку.

– Только подумать, такой спокойный, солидный мужчина! Ни за что не сказала бы, что ворюга! Правда, у меня пропало несколько вещиц, я только сейчас вспомнила. Брошка с бриллиантом и небольшой золотой медальончик. Но я даже мысли не допускала, что это Руди.

– Охотно верю, – кивнул Краддок. – Кого угодно можно ввести в заблуждение. А вы хорошо его знали?

– Да как вам сказать...

– Но вы были с ним в дружеских отношениях?

– О да, именно в дружеских, не больше! Ничего серьезного между нами не было. Я не доверяю иностранцам. Кто знает, что у них на уме? Вспомните, как вели себя поляки во время войны! Да и янки, надо сказать, ничуть не лучше. В жизни не признаются, что женаты, а когда правда выйдет наружу, уже поздно. Руди любил пускать пыль в глаза, но я не особо верила его байкам.

Краддок встрепенулся:

– Пустить пыль в глаза? Любопытно... Я вижу, вы можете нам помочь, мисс Харрис. Пожалуйста, расскажите поподробней, как он пускал пыль в глаза.

– Ну, он это... распинался, какие у него богатые предки в Швейцарии, какие они важные птицы. Но это как-то не вязалось с тем, что он постоянно сидел без денег. Правда, Руди говорил, что не смог вывезти капиталы из Швейцарии, потому что на таможне были ограничения. Не знаю, может, он и не врал, но вообще-то шмотки у него были не ахти... Я имею в виду одежду. В ней не было настоящего шика. Поэтому я думаю, большинство его рассказней – чистый треп. И о восхождении на Альпы, и о том, как он вызволял людей с ледника. А самому дурно стало, когда мы поднялись на нашу горку в Боулдерсе. Ха! Тоже мне – Альпы!

– Вы часто общались?

– Д-да... Он был такой обходительный... знал, как... ну это, в общем, как ухаживать за девушкой. В кино всегда покупал билеты на лучшие места. И даже цветочки дарил иногда. И потом, он классно танцевал... просто классно!

– А он когда-нибудь упоминал про мисс Блэклок?

– Про ту, что иногда приезжает сюда пообедать? Она еще останавливалась однажды в гостинице... Нет, кажется, нет. Я вообще-то понятия не имела, что он с ней был знаком.

– А он не говорил про Чиппинг-Клеорн?

Краддоку почудилось, что во взгляде Мирны Харрис промелькнула настороженность. Но, может быть, он ошибся?

– Нет... Правда, он как-то спросил про автобусы... Ну, про расписание... Но я не уверена, что ему было нужно именно в Чиппинг-Клеорн. Толком не помню. Это было давно.

Больше инспектор от нее ничего не добился. Руди Шерц вел себя обычно. Накануне налета она его не видела. И понятия не имела – ни малейшего, она особенно на это упирала! – что Руди Шерц проходимец.

«И вероятно, – решил Краддок, – Мирна говорила правду».

Глава 5

Мисс Блэклок и мисс Баннер

«Литтл-Пэддокс» оказался примерно таким, каким представлял его себе инспектор. Взгляд его задержался на цыплятах и утках, а также на том, что еще совсем недавно было очаровательным цветочным бордюром. Теперь там цвело лишь несколько астр – этакий последний, предсмертный всплеск пурпурной красоты. На лужайках и тропинках виднелись явные следы запустения.

Краддок сделал вывод, что у хозяев нет денег на садовника, но цветы здесь любят: клумбы разбиты со вкусом. Дом нуждался в покраске. Впрочем, сейчас большинство домов нуждается в покраске...

Едва машина инспектора остановилась у парадного входа, из-за угла вынырнул сержант Флетчер. Выправка у него была гвардейская. А еще он обладал способностью вкладывать уйму значений в коротенькое слово «сэр».

– А, вот вы где, Флетчер!

– Сэр, – откликнулся сержант.

– Какие новости?

– Только что закончили осмотр дома, сэр. Такое впечатление, что Шерц не оставил отпечатков пальцев. Впрочем, неудивительно – он же был в перчатках. Следов взлома нет ни на дверях, ни на окнах. Наверное, парень приехал на автобусе из Меденхэма и пришел сюда к шести часам. Черный ход, как я понял, заперли в половине шестого. Он, судя по всему, прошел через парадный. Мисс Блэлок уверяет, что эта дверь не запирается допоздна, пока все не лягут спать. Но служанка сказала, что парадная дверь целый день была заперта. Однако она может и не то еще заявить. Очень уж она темпераментная, вы сами убедитесь. Беженка с материка.

– Тяжко с ней?

– Сэр! – с чувством произнес сержант Флетчер.

Краддок усмехнулся. Флетчер продолжал рапортовать:

– Освещение везде исправно. Нам пока не удалось выяснить, что он натворил со светом. Из строя вышла лишь проводка в гостиной и в холле. Конечно, сейчас бра и лампы не делают на одной пробке, но в доме сохранена старинная система освещения и планировки. Даже не представляю, как он мог намудрить с пробками, ведь они находятся возле чулана. Добраться до них можно только из кухни. Но тогда бы его увидела служанка...

– А если она была с ним заодно?

– Не исключено. Оба иностранцы... Я, например, ни единому ее слову не верю, ни единому!

Краддок поймал на себе испуганный взгляд больших черных глаз, которые смотрели на него из крайнего окна возле входа в дом. Лицо, расплющенное об оконное стекло, было почти неразличимо.

– Это она?

– Так точно, сэр.

Лицо исчезло.

Краддок позвонил в дверь. Ждать пришлось достаточно долго. Наконец дверь отворила хорошенькая девушка со скупающим выражением лица.

Краддок представился. Девушка одарила его холодным взглядом очень красивых орехово-карих глаз.

– Проходите. Мисс Блэклок вас ждет.

В длинный узкий холл выходило невероятное количество дверей. Молодая женщина распахнула одну, расположенную по левую сторону:

– Тетя Летти, к вам инспектор Краддок. Мици открывать не пожелала. Она в своем репертуаре: заперлась на кухне и орет благим матом. Обеда, насколько я понимаю, нам сегодня не видать как своих ушей. Мици не любит полицейских, – пояснила девушка Краддоку и удалилась, прикрыв за собой дверь.

Инспектор двинулся навстречу хозяйке «Литтл- Пэддокса». Перед ним была высокая энергичная шестидесятилетняя женщина. Пепельные слегка волнистые волосы красиво обрамляли умное, решительное лицо. Проницательные серые глаза, волевой подбородок, левое ухо перевязано... Косметикой мисс Блэклок не пользовалась, одета была в простой, но ладно скроенный пиджак, юбку и свитер. На шее красовалось старомодное ожерелье. Оно совершенно не сочеталось с деловым костюмом. Сей отголосок Викторианской эпохи намекал на некоторую сентиментальность, однако внешне она никак больше не проявлялась.

Позади хозяйки дома стояла другая женщина, примерно того же возраста. На ее круглом лице было написано усердие, а непослушные волосы выбивались из-под сеточки. Краддок без труда угадал в этой женщине Дору Баннер, которую констебль Легг обозначил в докладной записке как компаньонку, а устно добавил, что она «немножко того».

Мисс Блэклок сказала приятным, хорошо поставленным голосом:

– Доброе утро, инспектор! Познакомьтесь, это моя подруга мисс Баннер, она помогает мне вести хозяйство. Присаживайтесь, пожалуйста. Надеюсь, вы не курите?

– Исключительно в нерабочее время.

– И напрасно, надо вообще бросить.

Краддок окинул комнату профессиональным взглядом. Типичная сдвоенная гостиная викторианских времен. Два продолговатых окна на одной половине. На другой – окно-«фонарь» в выступе стены. Стулья, диван, посреди комнаты – стол, на нем в большой вазе розы, на окне другая ваза... обстановка аккуратная, милая, но довольно ординарная. Из общей картины выпадала только маленькая вазочка с увядшими фиалками. Краддоку показалось странным, что мисс Блэклок терпит у себя в комнате увядшие цветы, но он решил, что недосмотр произошел из-за пережитого потрясения.

– Если я не ошибаюсь, несчастье произошло здесь? – спросил он.

– Да.

– О, видели бы вы нашу комнату вчера вечером! – воскликнула мисс Баннер. – Все было вверх дном! Столы перевернуты, у одного ножка отлетела... темень, суматоха... кто-то бросил зажженный окурок и подпалил мебель. Люди, особенно молодежь, сейчас так наплевательски относятся к вещам!.. Хорошо хоть фарфор не расколотили!

Мисс Блэклок мягко, но решительно осадил подругу:

– Дора, это, конечно, неприятно, но, ей-богу, ты заостряешь внимание на мелочах. Давай лучше отвечать на вопросы инспектора.

– В таком случае, мисс Блэклок, я сразу перейду к делу. Перво-наперво мне хотелось бы узнать, когда вы впервые увидели Руди Шерца?

– Руди Шерца? – Мисс Блэклок приподняла брови. – Так вот как его звали. А я думала... Впрочем, не важно. Впервые я увидела его, приехав в Меденхэм за покупками. Это было... дай бог памяти... недели три тому назад. Мы с мисс Баннер обедали в ресторане отеля «Ройал Спа» и уже собирались уходить, как вдруг меня кто-то окликнул. Я обернулась и увидела этого молодого человека. Он сказал: «Простите, вы случайно не мисс Блэклок?» И добавил, что я, наверно,

его не помню, но он сын владельца гостиницы «Альпы» в Монтре. Во время войны мы с сестрой прожили там целый год.

«Отель „Альпы“, Монтре», – мысленно взял на заметку Краддок. А вслух поинтересовался:

– И вы вспомнили этого юношу?

– Нет. У меня не было впечатления, что я встречала его раньше. Но ведь юноши, работающие в гостиницах, все на одно лицо. Однако мы с сестрой прекрасно провели время в Монтре, хозяин гостиницы обслуживал нас безукоризненно, и я постаралась быть с молодым человеком поприветливее... выразила надежду, что ему нравится у нас в Англии. Он ответил, что да, нравится, отец послал его сюда на полгода изучать гостиничный бизнес. Все это выглядело вполне нормально.

– А когда произошла ваша следующая встреча?

– Ну... дней десять назад он внезапно объявился у нас в «Литтл-Пэддоксе». Я очень удивилась. Он извинился за беспокойство и объяснил, что я – единственная, кого он тут знает. Ему срочно понадобились деньги, у него тяжело заболела мать.

– Но Летти денег не дала! – с придыханием сказала мисс Баннер.

– Не дала, потому что все это было шито белыми нитками, – решительно заявила мисс Блэклок. – Я увидела, что он человек пропащий. Одни обещания вернуть долг по возвращении в Швейцарию чего стоили! Ведь отец спокойно мог прислать деньги телеграфным переводом! Владельцы гостиниц все друг друга знают... Короче, заподозрила молодого человека в растрате. – Мисс Блэклок помолчала и сухо добавила: – Вы, вероятно, сочтете меня жестокой, но я долго работала секретаршей одного крупного финансиста и привыкла с большой осторожностью относиться к просьбам одолжить деньги. Мне не раз доводилось выслушивать такие душещипательные истории. Меня поразило лишь то, – задумчиво прибавила она, – что этот Шерц так легко сдался. Он тут же ушел, без единого возражения. Как будто на самом деле вовсе не ожидал получить денег.

– Теперь, задним числом, вам кажется, что его просьба была лишь предлогом для того, чтобы проникнуть в дом?

Мисс Блэклок уверенно кивнула.

– Когда я провожала его до дверей, он отпустил несколько замечаний насчет комнат. Сказал: «Какая милая гостиная!» Это было явное лукавство, ведь наша гостиная – тесная, темная комнатуха. Нет, ему просто хотелось туда заглянуть! А потом он опередил меня и начал открывать дверь, приговаривая: «Я сам». Наверно, хотел попробовать, легко ли она отпирается. Хотя вообще-то мы, как и все местные жители, не запираемся до самой темноты. Так что к нам может войти кто угодно.

– Но черный ход, насколько я понял, был заперт?

– Да. Перед приходом гостей я пошла закрыть уток.

– Дверь тогда была на замке?

Мисс Блэклок задумалась.

– Не помню. Кажется, да. Но я точно помню, что заперла ее, когда вернулась.

– Это было примерно в четверть шестого?

– По-моему, да.

– А парадная дверь была заперта?

– Обычно ее не запирают допоздна.

– Тогда Шерц мог преспокойно проникнуть через главный вход. А мог и проскользнуть через черный, пока вы загоняли уток. Он уже изучил планировку дома и, вероятно, понял, где можно спрятаться. Например, в шкафах. В общем, с этим мне, кажется, ясно.

– А вот мне совсем неясно, – внезапно сказала мисс Блэклок. – Зачем, скажите на милость, парню понадобилось врываться в дом и ломать нелепую комедию с налетом?

– Вы храните дома деньги, мисс Блэклок?

– Нет... Разве это деньги: пять фунтов в письменном столе и пара фунтов в кошельке?

– А драгоценности?

– Несколько колечек и вот эти камеи, – она указала на ожерелье. – Согласитесь, инспектор, что устраивать на мой дом налет – это полный абсурд.

– Да не был он никаким грабителем! – вскричала мисс Баннер. – Сколько раз тебе повторять, Летти?! Он мстил! Мстил за то, что ты не дала ему денег. И стрелял именно в тебя... целых два выстрела сделал!

– Так-так, – обрадовался Краддок. – Вот мы и подошли к вчерашнему вечеру. Как развивались события, мисс Блэклок? Постарайтесь только рассказывать поточнее и поподробнее.

Мисс Блэклок призадумалась.

– Каминные часы пробили половину седьмого. Помнится, я еще сказала, что, если грянут какие-то события, они на носу. И тут как раз начали бить часы. Все умолкли и молча слушали. Часы пробили две четверти, и вдруг совершенно неожиданно погас свет.

– Какие лампы погасли?

– Погасли бра. В этой и в той комнате. Большая люстра и ночники не были включены.

– А перед тем как свет погас, вы видели вспышку или шум?

– Вроде нет.

– Была, была вспышка! – встряла Дора Баннер. – И треск был. Очень опасный!

– Ну а потом, мисс Блэклок?

– Потом распахнулась дверь...

– Какая именно? Их тут две.

– Вот эта. Другая не открывается. Она ложная. Так вот, открылась дверь, и вошел человек в маске и с пистолетом. Зрелище было совершенно невероятное, но, конечно, тогда я решила, что это просто глупая шутка. Он что-то сказал... что – не помню...

– Руки вверх! Стрелять буду! – театрально воскликнула мисс Баннер.

– Да, кажется, что-то в этом духе, – неуверенно кивнула мисс Блэклок.

– И все подняли руки?

– О да! – сказала мисс Баннер. – Все до единого. Мы ведь думали, это игра.

– Я лично не подняла, – заявила мисс Блэклок. – Все выглядело глупо, дико глупо. Меня это раздражало.

– А что было потом?

– Свет фонаря слепил глаза. А потом... потом я не поверила своим ушам. Над головой у меня просвистела и ударилась в стену пуля. Послышался чей-то визг, я почувствовала острую боль в ухе и услышала второй выстрел.

– Кошмар! – вставила мисс Баннер.

– А потом что произошло, мисс Блэклок?

– Толком не знаю... От боли и нервного потрясения у меня закружилась голова. А он, человек в маске, повернулся... как будто споткнулся обо что-то... и тут прогремел третий выстрел. Фонарь упал, началась сутолока. Все впотьмах натыкались друг на друга.

– Где вы стояли, мисс Блэклок?

– Она стояла у столика и держала вазочку с фиалками, – опять вылезла вперед мисс Баннер.

– Да, я действительно была здесь, – мисс Блэклок подошла к маленькому столику возле прохода под аркой. – Но в тот момент я держала в руках сигаретницу.

Инспектор Краддок осмотрел стену за ее спиной. На ней явственно виднелись две дырки от пуль. Сами пули уже изъяли и отправили на экспертизу, чтобы определить, из какого пистолета они были выпущены.

– Вы чудом избежали смерти, мисс Блэклок, – бесстрастно произнес Краддок.

– Он стрелял в нее! – воскликнула мисс Баннер. – Именно в нее! Я его видела. Он высвечивал лица фонарем, пока не обнаружил Летти, а когда обнаружил, то прицелился и выстрелил. Он хотел тебя убить, Летти!

– Дора, милая, это все твои фантазии!

– Он стрелял именно в тебя, – упрямо повторила Дора. – Хотел тебя застрелить, а когда промахнулся, покончил с собой. Я уверена, что все было именно так.

– А мне кажется, ему и в голову не могла прийти мысль о самоубийстве, – возразила мисс Блэклок. – Не из той он был породы.

– Выходит, мисс Блэклок, вы до самого последнего момента, вплоть до выстрелов, считали происходящее шуткой?

– А как же иначе?

– И кто, по-вашему, выступал в роли шутника?

– Сначала ты подумала на Патрика, – напомнила подруге Дора Баннер.

– На Патрика? – резко спросил инспектор.

– Да, это мой юный племянник, – так же резко ответила мисс Блэклок и продолжала, раздосадованная поведением Доры: – Прочитав объявление, я заподозрила, что это розыгрыш Патрика, но он категорически все отрицал.

– И ты заволновалась, Летти, – напомнила мисс Баннер. – Ты волновалась, хотя прикидывалась спокойной. И, между прочим, правильно делала, что волновалась! В газете говорилось: «Объявлено убийство», и действительно было объявлено убийство, ТВОЕ УБИЙСТВО! Если бы он не промахнулся, тебя уже не было бы в живых. Что бы мы без тебя делали?

Произнося эти слова, Дора Баннер задрожала. Лицо ее сморщилось, она готова была разрыдаться.

Мисс Блэклок ласково потрепала ее по плечу:

– Все хорошо, милая Дора, не волнуйся. Тебе вредно волноваться. Это было ужасно, но все уже позади. Ради меня, возьми себя в руки, Дора, – добавила она. – Ты моя опора, все наше хозяйство на тебе держится. Да, кстати, если я не ошибаюсь, сегодня должны привезти белье из прачечной...

– О да, Летти, как хорошо, что ты напомнила! Интересно, они привезут пропавшую наволочку? Надо будет записать, чтобы не забыть... Сейчас пойду узнаю.

– И унеси фиалки, – велела мисс Блэклок. – Ненавижу увядшие цветы!

– Они увяли? Какая жалость! Я же только вчера их сорвала. Совсем не постояли... О господи, да я забыла налить воды! Только представь себе! Все время что-то забываю. Ладно, пойду выяснять про белье. А то ведь они с минуты на минуту приедут...

И Дора Баннер, повеселев, ушла.

– У Банни слабое здоровье, – сказала мисс Блэклок, – ей вредно волноваться... Что еще вы хотели узнать, инспектор?

– Кто, кроме вас, живет в доме и что это за люди?

– Сейчас здесь живут два моих дальних родственника – Патрик и Джулия Симмонсы.

– Дальние родственники? Вы же сказали, племянники...

– Нет, на самом деле мы – дальняя родня, хотя они и называют меня тетей Летти. Их мать приходится мне троюродной сестрой.

– Они всегда проживали с вами?

– Нет, что вы! Они тут только два месяца. До войны ребята жили на юге Франции. Потом Патрик служил во флоте, а Джулия, по-моему, работала в каком-то министерстве. Они жили в Льяндудно. А когда война окончилась, их мать написала мне письмо, попросила сдать им пару комнат... Джулия проходит практику в милчестерской больнице – она будущий фармацевт, – а Патрик учится на инженерном факультете в милчестерском университете. Вы же знаете, от нас до Милчестера от силы десять минут на автобусе... ну, так вот... я их с радостью приняла. Для меня одной дом слишком велик. Ребята вносят небольшую сумму за жилье и питание, и мы с ними прекрасно уживаемся. Я люблю общаться с молодежью! – добавила мисс Блэклок с улыбкой.

– Кроме них, у вас живет миссис Хаймес, верно?

– Да, она работает помощницей садовника в «Дайас-Холле» у миссис Лукас. Миссис Лукас попросила меня выделить Филиппе комнату. Филиппа – очень хорошая женщина. Ее мужа убили в Италии. У нее восьмилетний сын, школьник. Мы с ней договорились, что он приедет сюда на каникулы.

– У вас есть прислуга?

– Пять раз в неделю по утрам приходит делать уборку миссис Хиггинс из поселка; еще у меня работает беженка с неудобопроизносимым именем, она готовит еду. Поладить с ней непросто. Боюсь, вы в этом убедитесь на собственном опыте. У Мици что-то вроде мании преследования.

Краддок кивнул, припомнив еще одно важное замечание констебля Легга. Сказав, что Дора Баннер «с приветом», а Летиция Блэклок – «нормальная», он

припечатал Мици метким определением «лгунья».

Будто прочитав мысли инспектора, мисс Блэклок сказала:

– Только, пожалуйста, не относитесь к бедняжке с предубеждением! Я уверена, что в любой лжи всегда есть доля правды. Взять хотя бы ее рассказы о всяческих преступлениях. Они росли как снежный ком, и теперь Мици кажется, что все ужасы, о которых сообщают газеты, происходили с ней или с ее близкими. Но с другой стороны, она действительно много перестрадала, и на ее глазах действительно убили какого-то родственника. Я считаю, что большинство перемещенных лиц вполне заслуженно нуждаются в повышенном внимании и заботе; судьба обошлась с ними жестоко, и, чтобы вызвать к себе сочувствие окружающих, они частенько преувеличивают и привирают. Хотя, конечно, Мици кого угодно сведет с ума, – добавила со вздохом мисс Блэклок. – Порой она нас просто бесит, мрачная, подозрительная, вечно у нее дурные предчувствия, обижается на ровном месте. Но мне ее все равно жалко! – Летиция улыбнулась. – Тем более что, когда Мици в хорошем настроении, она готовит превосходно.

– Постараюсь ей не докучать, – пообещал Краддок. – Скажите, а кто та девушка, которая открыла мне дверь? Это Джулия Симмонс?

– Да. Если хотите, можете с ней поговорить. Патрика сейчас дома нет, Филиппы тоже. Она на работе в «Дайас-Холле».

– Спасибо, мисс Блэклок. С вашего позволения, я переговорю с мисс Симмонс.

Глава 6

Джулия, Мици и Патрик

Джулия с таким хладнокровием вошла в комнату и уселась в кресло, в котором до нее сидела Летиция Блэклок, что Краддок почувствовал прилив раздражения. Она устремила на него ясный взгляд и застыла в ожидании расспросов.

Мисс Блэклок тактично ретировалась.

– Расскажите, пожалуйста, о вчерашнем вечере, мисс Симмонс, – попросил инспектор.

– О вчерашнем вечере? – пробормотала Джулия, глядя на него пустыми глазами. – О, мы спали как убитые. Наверно, это была реакция на случившееся.

– Я имел в виду время с шести часов.

– Ах, вот что... Ну, пришли эти скучные людишки...

– Кто именно?

Она снова устремила на него ясный взгляд.

– А вы не знаете?

– Вопросы задаю я, мисс Симмонс, – мягко сказал Краддок.

– Ах, извините! На меня повторения навевают тоску! На вас, очевидно, нет... В общем, пришли полковник Истербрук с женой, мисс Хинчклифф, мисс Мергатройд, миссис Светтенхэм с Эдмундом Светтенхэмом и миссис Хармон, жена пастора. Они приходили по очереди. Хотите знать, что они говорили? Все твердили, как попугаи: «Я смотрю, вы уже затопили» и «Какие прелестные хризантемы!».

Краддок закусил губу, сдерживая смех. Здорово она их скопировала!

– Единственным исключением оказалась миссис Хармон. Она просто прелесть! Примчалась в шляпе набекрень и в ботинках с развязанными шнурками и спросила без обиняков, когда начнется убийство. Все страшно смутились: они-то прикидывались, что заскочили случайно! А тетя Летти сухо сказала – она всегда так разговаривает, – что это произойдет довольно скоро. Потом зазвонили часы, а потом свет погас, дверь распахнулась, и человек в маске скомандовал: «Руки вверх, кому говорят!» Или что-то в этом роде... Как в плохом боевике. Ей-богу, все выглядело дико нелепо. А потом он два раза выстрелил в тетю Летти, и стало совсем не смешно.

– Где находились в тот момент собравшиеся?

– Когда погас свет? Кто где. Миссис Хармон сидела на диване, Хинч, то есть мисс Хинчклифф, стояла напротив камина... Какая же она все-таки мужеподобная!

– Все находились в этой комнате или кто-то был в дальней?

– Большинство, по-моему, было здесь. Патрик пошел в ту комнату взять шерри. Полковник Истербрук, если не ошибаюсь, отправился за ним, хотя я не уверена. Мы, как я уже говорила, стояли здесь.

– А вы сами где были?

– Кажется, у окна. Тетя Летти пошла за сигаретами.

– Они лежали на столике под аркой?

– Да. И тут погас свет, и началась эта пошлая комедия.

– У мужчины в руках был яркий фонарь. Как он с ним обращался?

– Как? Да светил на нас. Совсем ослепил. Совершенно ничего не было видно.

– Пожалуйста, постарайтесь вспомнить как можно точнее, мисс Симмонс: он держал фонарь неподвижно или шарил им по комнате?

– Шарил, – медленно произнесла Джулия. Томности ее заметно поубавилось. – Как прожектором в дансинге. Сначала свет ударил мне прямо в глаза, потом заплясал по комнате, а затем раздались выстрелы. Два хлопка.

– А потом?

– Мужчина обернулся... Откуда-то слышался вой Мици, похожий на вой сирены... фонарь упал, и раздался третий выстрел. А потом дверь закрылась... знаете, так медленно, с жалобным скрипом... дико страшно... и мы очутились впотьмах. Что делать, никто не знал, а бедняжка Банни визжала как резаная... А

Мици, та прямо наизнанку виворачивалась.

– Вы полагаете, что налетчик покончил жизнь самоубийством или застрелился нечаянно? Например, споткнулся, а пистолет разрядился?

– Понятия не имею. Я ведь считала происходящее глупой шуткой... до тех пор пока не увидела окровавленное ухо тети Летти. Но с другой стороны, даже если стреляешь просто так, чтобы игра была более правдоподобной, все равно нужно целиться очень тщательно, чтобы ни в кого не попасть, да?

– Конечно. А вы думаете, налетчик видел, в кого стреляет? Я хочу сказать, фигура мисс Блэклок хорошо освещалась фонарем?

– Откуда мне знать? Я не на нее смотрела, а на него.

– Я вот к чему спрашиваю... Как вам кажется, он целился именно в нее?

Джулию, похоже, поразила эта мысль.

– Вы клоните к тому, что он хотел поймать на мушку именно тетю Летти? Вряд ли... Разве мало других способов убить человека? Какой смысл собирать для этого всех друзей и соседей? Зачем усложнять себе жизнь?... Он мог в любое время выстрелить в нее из-за изгороди, так сказать, действуя в старых добрых ирландских традициях, и ищи его – свищи.

«Да, – подумал Краддок, – это вполне исчерпывающий ответ на предположение Доры Баннер».

– Благодарю вас, мисс Симмонс, – вздохнул он. – Я пойду побеседую с Мици.

Краддок с Флетчером застали Мици на кухне. Она раскатывала тесто для печенья и встретила их настороженно. Черные волосы лезли ей в глаза, лицо было угрюмо, а темно-красный свитер и ярко-зеленая юбка некрасиво обтягивали расплывшуюся, бесформенную фигуру.

– Почему вы входите на мой кухня, мистер полицей? Вы из полиции, так? Везде, везде преследования! Говорят, Англия другой, но нет, тот же самый. Я знаю, вы

приходил мучить меня, заставляя говорить, но я молчать, слышите? Молчать! Можете снимать мои ногти, подносить горящий спичка к моя кожа, можете делать меня еще более ужасно, но я не буду сказать ничего. Я ничего не говорить! Можете посылать меня назад в концентрационная лагеря, я все равно...

Краддок задумчиво посмотрел на нее, выбирая тактику. Потом со вздохом сказал:

– Ладно, надевай шляпу, пальто, и пошли.

– Что вы сказать? – испуганно вскинулась Мици.

– Надевай шляпу, пальто и пошли. Я не захватил с собой машинки для сдирания ногтей и прочих пыточных агрегатов. Они в отделении. У вас есть наручники, Флетчер?

– Сэр! – с чувством явной благодарности воскликнул сержант.

– Но я не хотеть ходить с вас! – в ужасе отпрянув, взвизгнула Мици.

– Тогда ты будешь вежливо отвечать на вежливо заданные вопросы. Если хочешь, мы пригласим адвоката.

– Юристы? Мици не любить юристы. Мици не хотеть юристы! – Служанка отложила скалку в сторону, вытерла руки об одежду и села на стул. – Что вы хотеть узнать?

– Расскажи о вчерашнем вечере.

– Вы сам хорошо знать.

– Я хочу услышать от тебя.

– Я пытаться уйти. Она вам это сказать? Когда я видеть, что в та газета говорят об убийство, я хотел уходить. Она не разрешать. Она очень жестокий, ей все плевать. Она сделать меня оставаться. Но я знала, что будет. Знала, что меня

убивать.

– Но тебя же не убили.

– Нет, – неохотно признала Мици.

– Хорошо. Теперь расскажи, что произошло.

– Я была очень нервный. О, я была такой нервный! Весь вечер. Я слушиваться. Около меня ходить разный люди. Один раз мне казаться, кто-то крался в холл... но это только миссис Хаймес вошла в черный дверь, чтобы не делать грязный главная лестница, так она объяснять. Очень ей важно! Она сама наци, этот ее белый волос, синие глаза, такая выше все, смотрит на меня как на грязный... грязный...

– Бог с ней, с миссис Хаймес!

– Кто она думает она есть? Может, она учиться дорогой университет, как я? Может, она иметь диплома экономист? Нет, она просто наемный рабочий. Копать земля и косить трава, и каждая суббота ей платить столько денег! Как она может называться леди?

– Я же сказал: бог с ней! Давай дальше.

– Я брать шерри, стаканы и маленькое печенье, которое готовить днем, очень вкусный, и ходить гостиная. Звонить дверь, я ходить открывать... Потом еще ходить, и еще. Я все открывать и открывать. Очень унижительный занятия, но я его делать. Потом возвращаться чулан и начинать чистить серебро, я думала, это удобно, потому что, когда приходить убивать, я буду иметь нож для туша, очень острый и очень большой.

– Ты весьма предусмотрительна.

– А потом вдруг я слушать, как стреляли. Я думала: это случилось. И начала бежать столовой. Эта другая дверь, ее нельзя открывать. Я стояла, слушивалась, и тогда был третий выстрел, и тяжелая шум здесь, в холле. Я вертеть ручка дверь, но ее запирать с та сторона. Я... как это... в мышеловка. Я чуть с ума не

сходить. Я кричать, кричать и бить дверь. Потом в конец ее открывать и давать меня выходить. Я приносить свечи, много свечи... потом свет зажигали, и я видела кровь... кровь! Ай! Я не первый раз видеть кровь. Мой маленький брат... я видеть, как его убивали... я видеть кровь на улица... людей застрелять, они умирать... Я...

– Все ясно, – прервал ее инспектор Краддок. – Большое спасибо.

– А теперь, – с пафосом продолжила Мици, – можете меня арестовать и носить тюрьма.

– Не сегодня, – сказал Краддок.

Когда Краддок с Флетчером шли через холл к выходу, парадная дверь распахнулась, и они чуть не налетели на высокого красивого юношу.

– Легавые! Чтоб мне пусто было! – воскликнул он.

– Мистер Патрик Симмонс?

– Так точно, инспектор. Вы ведь инспектор, а он сержант, да?

– Совершенно верно, мистер Симмонс. Не могли бы вы уделить мне несколько минут?

– Я невиновен, инспектор. Клянусь, невиновен!

– Не валяйте дурака, мистер Симмонс. У меня нет времени, мне еще нужно поговорить с кучей народу. Что это за комната? Мы можем тут посидеть?

– Это кабинет, но здесь никто не работает.

– А мне говорили, вы на занятиях, – протянул Краддок.

– Я понял, что не могу сосредоточиться на математике, и вернулся домой.

Инспектор держался официально: потребовал, чтобы Патрик назвал свое полное имя и возраст, сообщил об отношении к военной службе.

– А теперь, мистер Симмонс, пожалуйста, опишите вчерашний вечер.

– Мы заклали упитанного тельца. Я хочу сказать, Мици самолично изготовила мятные печенья, а тетя Летти откупорила новую бутылочку шерри...

– Новую? – прервал его Краддок. – А что, была старая?

– Да. Целых полбутылки. Но тете Летти эта чем-то не приглянулась.

– Она нервничала?

– Да не больно-то. Она весьма рассудительная женщина. Это старуха Банни всех взвинтила – весь день каркала.

– Значит, мисс Баннер действительно обуревали дурные предчувствия?

– Да, она здорово помотала нам нервы.

– Мисс Баннер восприняла объявление всерьез?

– Еще как всерьез! До смерти перепугалась!

– Мисс Блэклок поначалу заподозрила вас в причастности к публикации объявления. Почему?

– А меня тут всегда обвиняют во всех смертных грехах!

– Вы хотите сказать, что непричастны к публикации объявления?

– Я? Да ни с какого бока!

– И вы никогда прежде не видели Руди Шерца, не общались с ним?

– Нет.

– Но подобные шутки в вашем духе, не так ли?

– Кто вам сказал? Все из-за того, что меня дернул однажды черт подложить Банни в постель яблочный пирог. А потом я еще послал Мици открытку, в которой написал: «Осторожно! Гестапо напало на ваш след!»

– Расскажите о случившемся.

– Когда я вышел в маленькую комнату, чтобы принести шерри, вдруг погас свет. Я обернулся и увидел в дверях какого-то типа. Он рявкнул: «А ну руки вверх!» Все разохались, развопились, а я стоял и прикидывал, как бы половчее сбить его с ног. Но он вдруг принялся палить из пистолета, а потом повалился на пол; фонарь упал, и опять стало темно. Тут полковник Истербрук начал драть свою луженую глотку: «Свет! Свет!..» А где я ему возьму свет? Разве моя зажигалка долго протянет? Эти проклятые новинки – сплошное надувательство.

– Как вам показалось, налетчик целился именно в мисс Блэклок?

– Откуда я знаю? Думаю, он пальнул просто так, шутки ради, а потом понял, что заигрался.

– И покончил жизнь самоубийством?

– Почему бы и нет? У него физиономия мелкого жулика, такие легко впадают в панику.

– Вы твердо уверены, что раньше его не видели?

– Да, твердо.

– Благодарю вас, мистер Симмонс. Я хотел бы опросить всех остальных, кто был здесь вчера. В каком порядке это лучше сделать?

– Так, давайте сообразить... Наша Филиппа – миссис Хаймес, работает в «Дайас-Холле». Ворота почти напротив наших. А от «Дайас-Холла» ближе всего до Светтенхэмов. Спросите – вам любой покажет дорогу.

Глава 7

... и другие

«Дайас-Холл» сильно пострадал во время войны. Там, где раньше росла спаржа, теперь радостно зеленели сорняки, среди которых, как свидетели преступления, с превеликим трудом пробивались жалкие, тощие пучочки спаржи. Зато вьюнки, крестовник и прочее безобразие чувствовали себя в усадьбе вольготно.

Часть огорода, правда, уже была приведена в порядок, и там Краддок обнаружил унылого старика, который задумчиво опирался о заступ.

– Вы небось миссис Хаймес разыскиваете? Уж и не знаю, где ее сыскать. Она все поперек делает. Ничьих советов не слушает. Я к ней с чистой душой, да что толку? Нынешние девчонки никого не слушают, никого. Думают, раз штаны надели и уселись на трактор, так им никто не указ! Но тут настоящий садовник нужен. А эту премудрость в один день не одолеешь. Да, настоящий садовник – вот кто тут нужен.

– Пожалуй, – поддакнул Краддок. Но старику почудился в его замечании укор.

– Да сами посудите, что я один могу? Тут всегда работало трое взрослых и один парнишка. Столько и сейчас нужно. Ведь не всякий будет горбатиться, как я. Бывает, с восьми утра до глубокой ночи вкалываю. С восьми!

– С фонариком приходится работать?

– Так я ж не про сегодняшний день говорю. Я про лето.

– А-а, – протянул Краддок. – Ну, ладно, пойду искать миссис Хаймес.

– А чего это она вам понадобилась? – поинтересовался старикан. – Вы ведь из полиции, да? Она что, в какую-то историю влипла или это из-за «Литтл-Пэддокса»? Там, говорят, налетчик в маске вломился с пушкой в комнату и хотел грабануть, а народу было – яблоку негде упасть! Эх! До войны такого не бывало. А все из-за дезертиров. Ишь головорезы, рыщут по стране, как волки! И почему только военные их не прижучат?

– Сам не знаю, – пожал плечами Краддок. – Наверное, налет вызвал в поселке много пересудов, да?

– Еще бы! И куда мы катимся? Так Нед Баркер сказал. А виной всему, считает он, девчонка, что готовит для мисс Блэклок. Отвратительный у нее характер, она точно замешана, так он сказал. Нед говорит, что она коммунистка или даже хуже, а нам такие тут не нужны. А Марлен, она в баре за стойкой торчит... ну вы понимаете, о чем я... она уверяет, будто бы у мисс Блэклок есть что-то очень ценное. Нет, не то, про что вы сейчас подумали. Я-то лично такого мнения, что с мисс Блэклок взять нечего, разве что ее фальшивые побрякушки. А Марлен вдруг возьми да и скажи: «А вдруг они настоящие?» А Флорри, дочка старика Беллеми, ей в ответ: «Пустое». Это же... как она их обозвала?... Бижутерия, во как! Бижутерия... Ничего себе название для простых побрякушек! Но мы-то с вами знаем, что это обычные стекляшки. Небось и то, что девчонка Симмонс носит, этот ее золотой плющ и собачки, – тоже бижутерия. В нынешние времена редко у кого увидишь настоящее золото, даже обручальные кольца – и те делают из какой-то серой платиновой дряни. Сколько бы эта дрянь ни стоила, все равно вид убогий, такое мое мнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Шератон – стиль мебелі, виготовлявшеюся в Англії в началі ХІХ століття Томасом Шератоном.

Купити: <https://tellnovel.com/agata-kristi/obyavleno-ubiystvo-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)